9(с)1
В67б

Изданіе Вятскаго Товарищества.

Ср
В67

Е. Волкова.

Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.

Историческій разсказъ.

184113

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія:
Книжный складъ „**Провинція**“. Спб., Екатерининская, 4.
1910.

К+Ч

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач ———

187 45

Изданіе Вятскаго Товарищества
Народная Библіотека

Е. Волкова.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

изъ временъ царя Василія Ивановича Шуйскаго

(1608—1610 гг.).

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу"!

Пушкинъ.

Цѣна 25 коп.

Изданіе 2-е.

Q47
B275

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія: Книжный складъ «Провинція». Екатерининская, 4.
1910.

Типографія 1-й Спб. Труд. Артели. — Лиговская, 34.

ГЛАВА I.

Начало и общій ходъ великой Смуты на Руси. Воцареніе перваго Самозванца и гибель его. Восшествіе на престолъ Василія Шуйскаго. Возстаніе Болотникова и побѣда надъ нимъ. Появленіе второго Самозванца. Его успѣхи. Второй Самозванецъ въ Тушинѣ.

И началась на Руси великая смута... Давно уже подготовлялась она. Еще въ царствованіе Ивана Грознаго умные, наблюдательные люди предчувствовали ея близость. А жившій въ Москвѣ въ царствованіе сына Грознаго, царя Федора Ивановича, англичанинъ Флетчеръ, очень ясно предсказалъ начало и годъ этой смуты.

У царя Федора, писалъ онъ въ своей книгѣ о Россіи, есть маленькій братъ Дмитрій, младшій сынъ Грознаго. Дмитрій живетъ въ Угличѣ со своею матерью, и жизнь его находится въ опасности, ибо многіе простираютъ свои виды на престолъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя Федора. Такимъ образомъ царскій родъ пересѣчется со смертью особъ нынѣ живущихъ, и это произведетъ переворотъ въ русскомъ государствѣ. Но переворотъ не ограничится только гибелью нынѣ царствующей династіи и воцареніемъ новой, писалъ онъ дальше, политика Грознаго, его воровскіе поступки такъ потрясли все государство и до того возбудили всеобщій ропотъ, что, повидимому, должно кончиться не иначе, какъ всеобщимъ возстаніемъ.

Предсказаніе Флетчера о прекращеніи старой династіи и о воцареніи новой сбылось въ точности: въ 1591 году маленькій Дмитрій погибъ въ Угличѣ, а въ1598 году умеръ царь Федоръ, не оставивъ послѣ себя наслѣдника, и русскій престолъ достался шурину Федора, Борису Годунову.

Не замедлило исполниться предсказаніе Флетчера и о «всеобщемъ возстаніи»!

Умный и благожелательный къ своему народу, царь Борисъ старался успокоить русскую землю, потрясенную «воровскими поступками» Грознаго, но это была мудреная задача. Продолжительныя войны Грознаго, тяжелые поборы на военныя цѣли, наконецъ, его опричнина, разорили въ конецъ русскую землю и возбудили недовольство во всѣхъ классахъ общества. Ни щедрыми милостями къ служилымъ людямъ, ни временнымъ освобожденіемъ отъ податей низшихъ тяглыхъ классовъ, Годуновъ не могъ предотвратить смуты, и смута началась уже въ его царствованіе

Пошли ходить слухи о томъ, будто въ Угличѣ по ошибкѣ былъ убитъ вмѣсто царевича другой ребенокъ, а царевичъ остался живъ, скрывался въ чужихъ краяхъ, и скоро явится добывать московскій престолъ. Слухи росли и переходили въ увѣренность. Явился и царевичъ. Кто былъ этотъ 20-ти лѣтній юноша, вышедшій изъ Польши и поддерживаемый польскими войсками, исторія до сихъ поръ не знаетъ этого. Говорятъ, его подставили бояре, недовольные тѣмъ, что на престолѣ сидѣлъ Годуновъ, человѣкъ незнатнаго происхожденія. Какъ въ порывѣ отчанія утопающій хватается за соломинку, такъ и всѣ недовольные въ Московскомъ государствѣ ухватились за призракъ погибшаго царевича. «Хуже не будетъ, ибо хуже и быть нельзя, а кто знаетъ, можетъ, и лучше будетъ». Такъ думали всѣ и въ смутной надеждѣ на это лучшее, шли за назван-

нымъ царевичемъ. Такимъ образомъ недовольство всѣхъ классовъ общества въ московскомъ царствѣ обезпечило побѣду первому самозванцу, который послѣ скоропостижной смерти Годунова занялъ московскій престолъ въ іюнѣ 1605 года и сталъ царствовать на Руси подъ именемъ царя Дмитрія Ивановича. Черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ своего воцаренія царь Дмитрій погибъ отъ заговора, во главѣ котораго сталъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Трупъ убитаго царя сожгли, пепломъ зарядили пушку, и выстрѣлили изъ нея въ ту сторону, откуда онъ пришелъ. А на царство былъ посаженъ заговорщиками душа заговора, князь Василій Шуйскій. Если заговорщики думали, что воспоминаніе о царѣ Дмитріи исчезнетъ въ народѣ такъ же безслѣдно, какъ развѣялся пепелъ его трупа отъ пушечнаго выстрѣла, то они жестоко ошиблись.

Лишь только въ южныхъ областяхъ стало извѣстно о гибели Лжедмитрія и о воцареніи Шуйскаго, какъ тотчасъ же пошли тамъ слухи о томъ, что вмѣсто царя Дмитрія по ошибкѣ убили какого-то нѣмца, а Дмитрію удалось спастись, и, пока что, онъ скрывается въ безопасномъ мѣстѣ. И тутъ же одинъ за другимъ начали отпадать отъ Москвы южно-русскіе города—Путивль, Ливны, Елецъ и другіе... Это были какъ разъ тѣ самые города, которые прежде другихъ признали перваго самозванца. Такимъ образомъ, противъ царя Василья поднялась та самая сѣверная Украйна *), которая уже годомъ раньше была, по выраженію московскихъ людей, «осквернена и омрачена безумiемъ самозванщины, за что и получила отъ Москвы названіе «преждне погибшей или преждне омраченной Украйны». За Украйной поднялись города за Окой и Рязанскія мѣста.

*) Нынѣшняя Черниговская, Курская и Орловская губерніи.

Широкой волной разливался мятежъ по южнымъ, юго-восточнымъ и юго-западнымъ областямъ московскаго государства.

Бѣглый холопъ князя Телятевскаго, Ивашка Болотниковъ, воротившійся на родину изъ турецкой неволи, куда былъ проданъ, захватившими его въ плѣнъ татарами, сумѣлъ объединить вокругъ себя всѣ эти массы возставшихъ. Именемъ царя Дмитрія онъ повелъ ихъ противъ царя Василья и подступалъ даже къ самой Москвѣ. Но отброшенный отъ Москвы царскими воеводами, онъ укрѣпился сначала въ Калугѣ, а потомъ въ Тулѣ, гдѣ у него набралось до 20 тысячъ войска.

Движеніе Болотникова отличалось большой жестокостью. Бѣглый холопъ призывалъ низшіе классы мстить господствующимъ классамъ за всѣ ихъ обиды и притѣсненія. Въ грамотахъ, разсылаемыхъ имъ по селямъ и городамъ, онъ призываетъ боярскихъ холоповъ и крестьянъ «побивати бояръ и брать за себя ихъ женъ, вотчины и помѣстья». Возставшая масса была ужасна своимъ озлобленіемъ и ненавистью къ «сильнымъ людямъ». Она готова была смести ихъ съ лица земли, а вмѣстѣ съ ними и тотъ общественный порядокъ, который давалъ въ ихъ руки власть и силу.

И правительство царя Василія хорошо поняло угрожавшую ему опасность. Недаромъ царь рѣшилъ самолично выступить на борьбу съ «ворами», какъ окрестили въ Москвѣ мятежниковъ и во главѣ многочисленнаго войска 21 мая 1607 г. двинулся къ Тулѣ.

Не легко досталась царю осада Тулы. Мятежники голодали, ѣли лошадей и собакъ, однако не сдавались. Храбрость Болотникова была изумительна. Прозванный своими приверженцами «Большимъ воеводой», онъ сражался день и ночь, не зная усталости и, обливаясь кровью, выходилъ изъ битвъ побѣдителемъ. Теряя терпѣнье отъ его упорнаго

сопротивленія, царь Василій не разъ предлагалъ ему сдаться добровольно, прельщая его разными милостями. Но глухъ оставался «Большой воевода» къ царскимъ обѣщаньямъ, и на всѣ его предложенія неизмѣнно отвѣчалъ: «жду милостей только отъ царя Дмитрія». Не мужествомъ царскихъ войскъ были побѣждены мятежники, а хитростью одного боярскаго сына, по совѣту котораго запрудили рѣку Упу и затопили осажденный городъ.

20 октября 1607 г. скованнаго по рукамъ и ногамъ, плѣннаго Болотникова торжественно провезли по улицамъ Москвы и посадили въ тюрьму, а на другой день съ необычайной пышностью совершили свой въѣздъ въ столицу усмирители мятежа, царь Василій и его воеводы.

Три дня служили благодарственные молебны, три дня звонили въ церковные колокола по случаю побѣды царя Василія надъ своимъ холопомъ, Ивашкой Болотниковымъ. Веселились и пировали въ Москвѣ... А въ возставшихъ мѣстностяхъ въ наказанье за измѣну царскіе отряды производили жестокія экзекуціи: немилосердно грабили и истязали жителей, скотъ ихъ уводили, хлѣба травили и всякія другія насильства имъ чинили. Для того, чтобы сохранить свое добро отъ государевыхъ людей, надобно было выпрашивать у царя особую охранную грамоту. Такимъ образомъ, въ назиданіе своимъ подданнымъ царь отдалъ на окончательное разореніе всѣ Украинные и сѣверскіе города и уѣзды, т. е. почти цѣлую треть московскаго государства. Тысячи военноплѣнныхъ были осуждены на казнь: по приказу царя ихъ «сажали въ воду», т. е. топили, «бьючи палицами». Главные зачинщики мятежа были повѣшены, а Болотниковъ... когда за нимъ пришли въ подземелье, чтобы отвести на мѣсто казни, его тамъ не оказалось. «Большой воевода» сгинулъ, словно сквозь землю провалился.

Царь былъ увѣренъ, что послѣ такой жестокой расправы мятежники окончательно присмирѣютъ, и никто не посмѣетъ больше подняться противъ своего законнаго государя. Однако онъ ошибся. Суровыя наказанія, пытки, казни и полное разореніе не способствовали, конечно, улучшенію положенія народныхъ массъ, и онѣ снова поднялись подъ знаменемъ человѣка, который принялъ имя будто бы спасеннаго Богомъ отъ руки убійцъ царя Дмитрія.

Вокругъ второго самозванца собрались все той же сѣверской Украйны «воровскіе люди» и разсѣянные царскими воеводами отряды Болотникова, про которыхъ лѣтописецъ очень изобразительно говоритъ, что они, «прибѣжавъ отъ Тулы» во свояси, снова составили рать и снова «воздвигли брань больше первой и вмѣсто тишины дохнули бурю, вздымавшуюся до облакъ и грозившую многомятежными дождями, не водными, а кровавыми». Къ нимъ присоединились свѣжія толпы вольныхъ, гулящихъ людей съ Днѣпра и Дона, запорожскіе и донскіе казаки... Ко второму самозванцу, также какъ и къ первому, на помощь явились отряды польской конницы и пѣхоты подъ предводительствомъ такихъ опытныхъ вождей, какъ Лисовскій, Рожинскій и другіе...

Жившій въ это время въ Москвѣ шведскій чиновникъ Петрей предостерегалъ царя Василія отъ угрожавшей ему новой опасности и отъ имени своего короля Карла IX предлагалъ ему союзъ и помощь. Но Василій, упоенный побѣдой надъ Болотниковымъ, рѣшительно не хотѣлъ вѣрить въ опасность и потому гордо отвѣчалъ:

«Въ нашихъ великихъ государствахъ смуты нѣтъ никакой, а потому нѣтъ нужды ни въ какой помощи. А хотя какой пограничный государь и помыслитъ какую недружбу начать, то это намъ не страшно, и помощи просить ни у кого не станемъ, кромѣ Бога».

Дальнѣйшія событія заставили однако царя Василія пожалѣть о такомъ высокомѣрномъ отвѣтѣ. Уже въ январѣ 1608 года самозванецъ занялъ Орелъ. Здѣсь его многочисленная, но разноплеменная рать получила надлежащее устройство. Рожинскій былъ избранъ ея гетманомъ, а Лисовскій и Зарудный стали во главѣ московскаго казачества. Въ намѣреніяхъ самозванца нельзя было сомнѣваться: онъ двигался къ Москвѣ, чтобы свергнуть Шуйскаго и занять московскій престолъ.

Царь Василій не могъ больше закрывать глаза на грозившую ему бѣду и послалъ къ Орлу войска подъ начальствомъ своего любимаго, но неспособнаго брата, Дмитрія Шуйскаго. Но самозванецъ разбилъ царскія войска, обратилъ въ бѣгство Шуйскаго и двинулся къ Калугѣ. У всѣхъ былъ въ памяти успѣхъ перваго самозванца. Если тому удалось овладѣть московскимъ престоломъ, то почему бы не удалось то же самое и этому? Тогда, конечно, плохо бы пришлось тѣмъ, кто стоялъ за Шуйскаго. И царю Василію измѣнили прежде всего воеводы, посланные имъ на Калужскую дорогу, чтобы загородить самозванцу путь къ Москвѣ. Узнавъ про «шатость» въ войскахъ, царь отозвалъ ихъ назадъ, и самозванецъ, не встрѣчая больше препятствій, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1608 года подошелъ чуть не къ самой Москвѣ, остановившись въ 12 верстахъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, царю Василію поневолѣ пришлось вспомнить предложеніе шведскаго чиновника Петрея...

ГЛАВА II.

Проводы князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ для переговоровъ со шведами о помощи.—Характеристика князя Михаила.—Его военныя заслуги.— Наказъ царя князю.

Было теплое августовское утро 1608 года.

Отслуживъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, царь Василій призвалъ во дворецъ своихъ приближенныхъ бояръ, чтобы вмѣстѣ съ ними проводить въ дальній путь князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, котораго онъ посылалъ въ Новгородъ для того, чтобы испросить у шведовъ помощи противъ «воровъ».

Солнечные лучи, пробившись сквозь разноцвѣтныя стекла оконцевъ царской палаты, весело играли на шитыхъ золотомъ одеждахъ бояръ, сверкали и переливались въ драгоцѣнныхъ камняхъ, украшавшихъ грудь царя, и ярко освѣщали всю его сутулую, приземистую фигуру, сидѣвшую на высокомъ, рѣзномъ креслѣ.

Что и говорить, неказистъ былъ царь Василій! Это былъ уже старикъ лѣтъ 60-ти, съ прямыми жидкими волосами на головѣ, съ морщинистымъ лицомъ, на которомъ красовались длинный горбатый носъ, большой ротъ и маленькіе, подслѣповатые, вѣчно слезящіеся глазки съ выраженіемъ природной хитрости и лукавства,—царь Василій происходилъ изъ древнѣйшаго рода князей Шуйскихъ. Его молодость прошла при дворѣ Ивана Грознаго. Близость къ измѣнчивому, подозрительному царю научила его быть льстивымъ, угодливымъ царедворцемъ. Такимъ онъ былъ и въ царствованіе Годунова, хотя въ душѣ ненавидѣлъ этого незнатнаго родомъ царя. Такимъ же угодливымъ, льстивымъ оста-

вался Василій и при дворѣ царя Дмитрія вплоть до той злополучной ночи, въ которую онъ погубилъ его.

Царь былъ блѣденъ. Его некрасивое лицо носило слѣды большой душевной тревоги. Маленькіе глазки безпокойно бѣгали по сторонамъ. Видно, не легко досталось царю близкое сосѣдство съ самозванцемъ! Правда, самозванецъ, вотъ уже два мѣсяца сидѣвшій въ Тушинѣ, все еще не рѣшался подступить къ Москвѣ, ибо отъ московскихъ перебѣзчиковъ зналъ онъ, что въ столицѣ достаточно войска, чтобы отстоять ее. Дѣйствительно, кромѣ обычнаго московскаго гарнизона при царѣ находились служилые люди изъ вѣрныхъ ему городовъ Новгорода, Пскова, замосковныхъ, заволжскихъ и сѣверныхъ... сверхъ того были еще «казанскіе татарови, и чюваша, и черемиса». Многочисленные отряды этого войска, высылаемые царемъ по разнымъ направленіямъ, сильно тревожили самозванца и не позволяли ему приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но дѣло пошло по другому, когда въ началѣ августа на помощь къ нему пришли изъ Польши новыя войска, подъ начальствомъ гетмана Сапѣги. Тогда отряды самозванца начали занимать дороги, ведущія къ Москвѣ. Для московскихъ людей было ясно, что дѣлалось это съ цѣлью отрѣзать столицу отъ всякой помощи изъ другихъ городовъ, прекратить къ ней подвозъ съѣстныхъ припасовъ и, такимъ образомъ, голодомъ принудить ее къ сдачѣ. И вотъ, въ виду возможнаго торжества самозванца, многіе изъ московскихъ гражданъ поспѣшили признать его истиннымъ царемъ Дмитріемъ. Начался открытый «отъѣздъ» отъ царя Василія къ тушинскому царю. По словамъ лѣтописца, «учали съ Москвы въ Тушино отъѣзжати стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и подъячіе, и всякіе люди». Начали «отъѣзжать» отъ царя

Василія даже такіе знатные люди, какъ князья Сицкіе, князь Черкасскій, Трубецкой и др. И въ страшной тревогѣ за свою власть, за свою жизнь, окруженный людьми, которые одинъ за другимъ измѣняли ему, царь смирилъ, наконецъ, свою гордость передъ шведами и теперь рѣшилъ самъ просить у шведскаго короля помощи, которую еще недавно отвергъ съ такимъ высокомѣріемъ.

Въ дорожной одеждѣ, совсѣмъ снарядившійся въ путь, въ палату вошелъ и тотъ, кому царь поручалъ это дѣло, князь Скопинъ-Шуйскій былъ еще совсѣмъ юноша, ему было не больше двадцати одного года. Бѣглымъ взглядомъ окинулъ онъ бояръ, сидѣвшихъ на скамьяхъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Здѣсь были все свои, близкіе царю люди, его друзья, его родственники: царскій братъ, Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, тотъ самый, что бѣжалъ изъ подъ Орла, разбитый самозванцемъ, князь Голицынъ, князь Куракинъ, князья Мстиславскій, Воротынскій... Это они помогали Шуйскому въ заговорѣ противъ царя Дмитрія, они же и «выкрикнули его царемъ».

Съ плохо скрываемой завистью и недоброжелательствомъ встрѣтили они появленіе молодого князя, а онъ, словно не замѣчая устремленныхъ на него косыхъ взглядовъ, направился прямо къ царю и низко поклонился ему.

Князь Михаилъ приходился племянникомъ царю Василію; онъ происходилъ отъ тѣхъ князей Шуйскихъ, которые носили названіе Скопиныхъ-Шуйскихъ, потому что въ ихъ роду былъ князь, прозванный Скопа.

Среди собравшихся въ царской палатѣ людей, зрѣлыхъ годами и опытныхъ въ интригахъ, молодой князь отличался яснымъ, открытымъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ. Такъ могутъ смотрѣть только люди, чуждые низкихъ помысловъ. Отъ всей его статной фигуры вѣяло энергіей

и молодой отвагой. Печать какого-то особаго благородства лежала на его красивомъ лицѣ, обрамленномъ густыми, темнорусыми кудрями. Теперь это лицо было взволнованно. Князь хорошо понималъ всю трудность предстоящей ему задачи.

Не роняя достоинства московскаго царя, испросить помощи у шведовъ послѣ того, какъ царь такъ гордо отказался отъ нея, собрать ратныхъ людей въ Новгородѣ и Псковѣ и вмѣстѣ съ иноземной ратью привести ихъ на помощь Москвѣ и это въ то время, когда мятежники того и гляди перехватятъ всѣ дороги къ столицѣ. Что и говорить, не легкое дѣло предстояло ему совершить! Вѣдь это значило, что царь поручалъ ему спасеніе столицы, а вмѣстѣ съ нею спасеніе родины и собственной жизни! Недаромъ старикъ Воротынскій съ такимъ недовѣріемъ оглядывалъ статную фигуру князя. «Молодъ еще, какъ-то управится съ такимъ большимъ дѣломъ, постарше бы кого послать», ясно говорилъ этотъ взглядъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему царь поручалъ такое отвѣтственное дѣло этому двадцатилѣтнему юношѣ, а не имъ, своимъ сподвижникамъ, людямъ уже не молодымъ и опытнымъ?

Не довѣрялъ имъ царь. Въ борьбѣ съ мятежемъ ни одинъ изъ нихъ не выказалъ большой готовности сложить голову за царя и родину. А за юнымъ княземъ было уже нѣсколько славныхъ дѣлъ: это онъ отбросилъ Болотникова отъ Москвы, давъ ему рѣшительную битву. А въ то время, какъ князья Мстиславскій и Воротынскій, посланные царемъ подъ Калугу для борьбы съ тѣмъ же Болотниковымъ, позорно бѣжали съ поля битвы, бросивъ и пушки, и обозы съ запасами въ добычу мятежникамъ, онъ одинъ продолжалъ сражаться, предпочитая смерть въ неравномъ бою! И тогда же

царь отличилъ его за это, пожаловавъ ему чинъ боярина, несмотря на его молодость.

Кромѣ того, князь, хотя и былъ молодъ, но, по выраженію лѣтописца, разумъ имѣлъ многолѣтній, грамотѣ былъ хорошо обученъ и зналъ обхожденіе съ людьми.

Все это заставило царя Василія остановить свой выборъ на молодомъ князѣ. И князь, глубоко тронутый такимъ довѣріемъ царя, прощаясь съ нимъ въ порывѣ искренняго чувства поклялся съ честью исполнить данное ему порученіе. А царь на прощанье наказывалъ:

«Пуще всего, князь, береги честь московскаго государства. Не жалуйся иноземцамъ на великое смятеніе въ нашемъ царствѣ, на шатость въ войскахъ; чтобы не вѣдали они того, что творится въ московской землѣ. Пуще всего, не подумали бы, что вся земля московская идетъ противъ своего законнаго государя. Говори такъ: вся земля русская усердна къ царю, волнуема де она лишь малымъ числомъ измѣнниковъ, воровъ и бездѣльниковъ, коихъ легко одолѣть съ помощью союзниковъ»...

«Прости, государь,— почтительно перебилъ царя князь Михаилъ,—ты ввѣрилъ мнѣ трудное дѣло, и Богъ научитъ меня совершить его такъ, чтобы не было урону для чести московскаго государства. А за тебя, государь, за родину, я готовъ животъ свой положить, клянусь въ томъ»!

Молодой князь поднялъ глаза на образъ Спасителя и затѣмъ, опустившись на колѣно передъ царемъ, низко, до земли, поклонился ему.

Царь приподнялся съ кресла и, обхвативъ обѣими руками голову князя, крѣпко поцѣловалъ его.

«Ну, дай тебѣ Богъ, прощай!... Шли вѣстниковъ, извѣщай обо всемъ... Прости»..

Царь говорилъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ.

Видно было, что онъ, утомленный безпрерывной борьбой съ «крамолой», которая началась почти съ первыхъ же дней его вступленія на престолъ, въ немъ, въ этомъ юношѣ, готовъ былъ видѣть теперь свою единственную надежду...

Около полудня князь Скопинъ-Шуйскій вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ, окольничимъ Головинымъ, выѣзжалъ за Тверскую заставу во главѣ отряда хорошо вооруженныхъ конниковъ...

ГЛАВА III.

Планы князя Михаила. Князь въ Новгородѣ. Вѣсть объ измѣнѣ Пскова. Волненіе въ Новгородѣ. Совѣщаніе Новгородскихъ воеводъ.

Нерадостно начался путь для князя Михаила. Немного времени нужно было ему проѣхать, чтобы убѣдиться, какъ велика была «шатость» въ Московской землѣ. Въ городахъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, онъ слышалъ отъ воеводъ все однѣ и тѣ же рѣчи: народъ волнуется, называетъ царя Василія похитителемъ престола и ждетъ милостей отъ самозванца. И чуялось князю въ этихъ рѣчахъ, что и сами-то воеводы не нынче, завтра готовы измѣнить царю.

Однако, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался къ сѣверу, сообщенія воеводъ становились спокойнѣе: новгородскія и псковскія области оставались вѣрными царю Василію; не слышно было объ измѣнѣ и дальше, въ сѣверныхъ поморскихъ областяхъ.

Эти вѣсти вливали бодрость въ душу молодого князя, и уже дорогой онъ принимался строить планы о томъ, какъ помочь Москвѣ.

Онъ получитъ подмогу отъ шведовъ, соберетъ рать изъ новгородскихъ и псковскихъ людей, какъ наказывалъ ему

царь, а потомъ обратится за помощью къ богатымъ сѣвернымъ городамъ. Много казны понадобится на жалованье ратнымъ людямъ, своимъ и чужимъ, но развѣ мало ея у московскаго царя! Много сокровищъ въ далекомъ Соловецкомъ монастырѣ, что стоитъ у Бѣлаго моря, богата казной Троице-Сергіевская лавра. Развѣ въ тяжелую годину испытаній не придутъ они на помощь родинѣ, развѣ не помогутъ избавить ее отъ мятежниковъ?

Для князя Михаила всѣ эти тысячи возставшихъ противъ правительства были, конечно, мятежники. Вѣдь онъ, царскій слуга, князь и бояринъ, принадлежавшій къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ, самъ былъ однимъ изъ тѣхъ «сильныхъ людей», противъ которыхъ они шли. И преданный интересамъ своего класса, онъ, подобно всѣмъ «сильнымъ людямъ», клеймилъ ихъ «ворами» и злодѣями.

«Отбились отъ честной, трудовой жизни! Вольная, гулящая жизнь больше по сердцу пришлась! Не дорога имъ, видно, родина, коли на такое дѣло пошли, противъ своего законнаго государя встали!»

Такъ думалъ князь, и казалось ему, что онъ, который кололъ и рубилъ этихъ «воровъ» подъ Москвой и подъ Тулой, больше любилъ свою родину, чѣмъ они, которые кололи и рубили его воиновъ. И думалось ему, стоит только разбить мятежниковъ и очистить отъ нихъ Русь, и все пойдетъ хорошо. Тогда успокоится, умиротворится русская земля.

«Только не надо медлить! Надо добиться шведской помощи, пока еще не занята «ворами» главная дорога къ Москвѣ—ярославская!»

И принявъ такое рѣшеніе, князь на другой же день по пріѣздѣ въ Новгородъ послалъ Головина въ Выборгъ для переговоровъ со шведами.

Однако, дѣло не такъ-то скоро дѣлалось, какъ того хотѣлъ князь, горѣвшій желаніемъ какъ можно скорѣе приняться за очищеніе московской земли отъ «воровъ»... Вотъ уже сентябрь стоялъ на дворѣ, а отъ Головина все еще не было никакихъ вѣстей. Зато пришла въ Новгородъ другая вѣсть, нежданная и нерадостная: царю Василію измѣнилъ городъ Псковъ! 2-го сентября псковичи присягнули самозванцу и бросили въ тюрьму своего воеводу Шереметьева.

Это извѣстіе потрясло и князя Михаила, и воеводъ новгородскихъ. Вѣдь Псковъ былъ нѣкогда пригородомъ Новгорода. Оба города издавна были связаны между собою торговыми интересами. Къ волненьямъ въ Псковѣ не могъ отнестись равнодушно Новгородъ... Вотъ почему всѣ они собрались наканунѣ праздника Рождества Богородицы въ хоромахъ главнаго новгородскаго воеводы князя Куракина, чтобы сообща рѣшить, что дѣлать въ виду угрожавшей опасности.

Въ небольшой горницѣ съ длинными скамьями вдоль стѣнъ, со множествомъ образовъ въ переднемъ углу, передъ которыми по случаю наступающаго праздника, горѣли лампады, за большимъ дубовымъ столомъ занялъ мѣсто самъ хозяинъ, князь Андрей Петровичъ Куракинъ. Старъ былъ князь. Какъ лунь бѣлая, длинная борода почти до половины закрывала его широкое благообразное лицо. Прямой открытый взглядъ карихъ глазъ говорилъ о его прямодушіи и искренности.

Зато полную противоположность князю представлялъ сидѣвшій противъ него второй новгородскій воевода Михаилъ Ивановичъ Татищевъ. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ съ худощавымъ продолговатымъ лицомъ, которое отталкивало своимъ непріятнымъ хитрымъ выраженіемъ. Его маленькіе сѣрые глаза никогда не глядѣли прямо, а какъ-то тревожно бѣгали подъ густыми, сросшимися бровями. Татищевъ былъ

главнымъ изъ пособниковъ царя Василья въ ту страшную ночь, когда былъ свергнутъ съ престола Лжедмитрій, онъ былъ одинъ изъ его убійцъ, а затѣмъ за какія-то прежнія «досады» былъ сосланъ царемъ Васильемъ на новгородское воеводство.

На лавкѣ, ближе къ окну, помѣстился князь Михаилъ. Вся его фигура стала какъ будто солиднѣе, мужественнѣе. Глаза словно потемнѣли и глядѣли вдумчиво, серьозно.

Нѣсколько поодаль отъ воеводъ держался дьякъ Татищева, Ефимъ Телепневъ, сухощавый, сутуловатый мужчина лѣтъ за сорокъ, съ круглымъ лицомъ и съ черной окладистой бородой. Онъ казался спокойнѣе другихъ. Впрочемъ, глядя на него, трудно было рѣшить, что это былъ за человѣкъ, и о чемъ думалъ онъ, внимательно вслушиваясь въ слова князя Куракина. А князь говорилъ:

«Думается мнѣ, во всемъ положиться на волю Божью! Что мы сдѣлаемъ одни, безъ помоги? Вотъ пришлетъ вѣсти Головинъ, войско шведское придетъ, вотъ тогда»...

«До тѣхъ поръ, князь, насъ и въ живыхъ не будетъ,—рѣзко перебилъ Куракина Татищевъ,—неладное творится въ Новгородѣ! Нынче утромъ въ Неревскомъ концѣ собралось народу тьма-тьмущая, ужъ безъ опаски кричали:—Зачѣмъ намъ царь Василій, Тушинскій царь милости обѣщаетъ, не даромъ Псковъ всталъ за него!—Ну и насъ тоже, царскихъ слугъ, недобрыми словами поминали. Поди, и теперь еще не разошлись»...

Татищевъ былъ правъ—въ Новгородѣ начиналось волненіе.

«Ну что жъ? На все Божья воля,—снова сказалъ Куракинъ,—коли умереть за царя придется, и умремъ!»

Молчавшій дотолѣ князь Михаилъ при этихъ словахъ поднялъ голову и, ни къ кому не обращаясь, тихо замѣтилъ:

«Не завидная доля, пасть отъ руки убійцъ! Ужъ коли умирать за царя, такъ умирать въ открытомъ бою»..

«Что и говорить, князь, на что лучше умереть за царя и отечество на бранномъ полѣ,—согласился старый князь,—да что же дѣлать-то? Вѣдь безъ войска не выйдешь въ открытое поле! Посылай коли гонца къ Головину, шелъ бы скорѣй со шведской подмогой!»

«Ну, пока-то гонецъ доѣдетъ до Выборга, а тѣмъ временемъ новгородцы успѣютъ въ тюрьмѣ насъ сгноить», снова перебилъ князя Татищевъ.

Долго говорили воеводы, не зная, къ какому рѣшенію придти. Въ словахъ престарѣлаго князя Куракина было слишкомъ много покорности волѣ Божьей, и эта покорность не по душѣ была молодому, отважному князю Михаилу, но онъ не успѣлъ еще узнать новгородцевъ, не освоился въ этомъ чужомъ ему городѣ и не зналъ, что предложить. Татищевъ рѣзко возражалъ старому князю. Онъ то и дѣло перебивалъ его медленную, степенную рѣчь, но самъ не предлагалъ никакого рѣшенія. Ефимъ Телепневъ больше помалкивалъ, и по выраженію его лица трудно было догадаться, чью сторону онъ держитъ.

Наконецъ, всѣ согласились на томъ, чтобы немедленно послать гонца къ Головину съ приказомъ ускорить переговоры со шведами.

День клонился къ вечеру, когда хозяинъ простился со своими гостями. На дворѣ становилось уже темно. Выйдя изъ княжескихъ хоромъ, всѣ повернули налѣво. Князь Куракинъ жилъ въ дѣтинцѣ, недалеко отъ храма св. Софьи. Татищевъ жилъ неподалеку отъ него, по другую сторону храма. Князь Михаилъ остановился въ его домѣ. Нѣкоторое время всѣ шли молча. На улицѣ было тихо, никто не

попадался навстрѣчу. Но Татищевъ нѣсколько разъ останавливался, какъ бы прислушиваясь къ чему-то.

«Ну вотъ, слышите, говорю, не разошлись еще», вдругъ прервалъ онъ общее молчанье Князь Михаилъ и дьякъ Телепневъ остановились и прислушались. Съ торговой стороны, которая отдѣлялась отъ софійской рѣкою Волховомъ, дѣйствительно донесся какой-то неясный гулъ.

«Бунтуютъ новгородцы, не миновать бѣды!» И Татищевъ, ускоривъ шаги, быстро направился къ своимъ хоромамъ.

Мрачно глядѣли воеводскія хоромы съ плотно закрытыми ставнями, съ крѣпко запертыми воротами!

На стукъ хозяина громко залаяла собака, затѣмъ послышался звукъ отодвигаемой задвижки. Калитка отворилась.

«Иди и ты, дьякъ,—сказалъ Татищевъ, приглашая Телепнева войти въ калитку.

На дворѣ была обширная пристройка, вродѣ отдѣльнаго флигеля, въ ней-то и помѣстился князь Михаилъ.

«Пойдемъ къ тебѣ, князь, потолковать надо,—тихо сказалъ Татищевъ, поворачивая къ пристройкѣ.

Князь Михаилъ и Телепневъ послѣдовали за нимъ.

ГЛАВА IV.

Предложеніе Татищева бѣжать изъ Новгорода.—Нерѣшительность князя Михаила.—Бѣгство воеводъ.

Темно было въ покояхъ князя. Пока слуга зажигалъ свѣчу, вставленную въ высокій мѣдный подсвѣчникъ, всѣ молчали. Но лишь только онъ съ поклономъ удалился изъ горницы, какъ Татищевъ, подвинувшись къ столу, заговорилъ тихо, но внушительно:

«По всему видать, ждать намъ бѣды! Знаю я новгородцевъ, не первый день здѣсь воеводой, коли разойдутся, ни-

чѣмъ ихъ не удержишь. Не такое теперь время, чтобы безъ опаски можно было здѣсь оставаться, вездѣ бунты»...

Князь Михаилъ, остановившись противъ Татищева, внимательно слушалъ его, стараясь понять, къ чему ведетъ рѣчь воевода. А Татищевъ все говорилъ о буйномъ характерѣ новгородцевъ и о той опасности, которая грозитъ имъ, воеводамъ, если они останутся въ Новгородѣ...

«Къ чему рѣчь клонишь, воевода?—спросилъ наконецъ князь Михаилъ.

«А къ тому веду, князь, что бѣжать надо отсюда», рѣшительно сказалъ Татищевъ.

«Бѣжать»? Князь отшатнулся, такъ далекъ онъ былъ отъ этой мысли. Никогда не довѣрялъ онъ Татищеву, еще въ Москвѣ зналъ онъ его за человѣка корыстнаго, лукаваго, да и въ Новгородѣ недобрые слухи о немъ ходили. За это время, что живетъ онъ здѣсь, успѣлъ онъ узнать кое что объ отношеніяхъ къ нему новгородцевъ: не любили его новгородскіе люди за его «великія неправды», сказывали, за любостяжаніе, за лихоимство. Но бѣжать! Этого князь не ожидалъ отъ него! И почему тамъ, у воеводы Куракина онъ ничего на сказалъ, почему говоритъ онъ объ этомъ сейчасъ, тайно отъ стараго князя?

Что-то недоброе чуялось въ такомъ поведеніи Татищева прямому, чистосердечному князю, а мысль о бѣгствѣ была противна его смѣлой, отважной натурѣ.

Онъ недовѣрчиво глядѣлъ на воеводу, и губы его невольно складывались въ презрительтую усмѣшку.

Но Татищева не смутили ни этотъ взглядъ, ни эта усмѣшка. Онъ словно угадалъ мысли князя и горячо, убѣдительно заговорилъ:

«Не сказалъ я этого давеча, потому что, самъ видишь воевода Куракинъ устарѣлъ, ему бы только Богу молиться;

все, говоритъ, въ волѣ Божіей! И безъ него то знаютъ. А, видно, отъ старости позабылъ пословицу: на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

Князя Михаила покоробилъ этотъ грубый, непочтительный тонъ, какимъ Татищевъ говорилъ о престарѣломъ князѣ Куракинѣ, дойстойномъ полнаго уваженія и, тѣмъ не менѣе, съ послѣдними словами Татищева онъ не могъ не согласиться: самимъ плошать не приходилось, если бѣда была на носу. Но такъ ли это? Дѣйствительно-ли такъ была велика опасность, на которую указывалъ воевода?

«Бѣжать надо, князь, одно слово бѣжать, ни минуты не медля,—снова говорилъ Татищевъ,—день промедлишь, плохо будетъ, новгородцы шутить не любятъ! Гляди, какъ бы съ Волхова моста да прямо сюда не попали... Неужто для того ты изъ Москвы ѣхалъ? А ужъ я новгородцевъ знаю, живымъ не выпустятъ.

Слова Татищева звучали увѣренностью, онъ говоритъ такъ, какъ будто бѣда была совѣмъ близко, какъ будто новгородскіе граждане уже приближались, чтобы растерзать ихъ, воеводъ. И князь Михаилъ, не трусливый по природѣ, невольно началъ поддаваться дѣйствію этихъ угрожающихъ словъ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ тревожныхъ предположеніяхъ воеводы не было ничего невозможнаго. Вѣдь въ другихъ городахъ такъ и было: взбунтовавшійся народъ прежде всего расправлялся со своими воеводами. Судьба псковскаго воеводы была у всѣхъ передъ глазами.

И князь почему-то вопросительно поглядѣлъ на дьяка Телепнева, который въ продолженіе ихъ бесѣды не проронилъ ни одного слова.

Дьякъ подтвердилъ опасенія воеводы.

«Бѣжимъ, князь, нечего раздумывать,—еще разъ сказалъ Татищевъ, замѣтивъ колебаніе князя.—Успѣешь погибнуть!

А кто знаетъ, можетъ, король шведскій скоро помощь пришлетъ, послужишь тогда родинѣ, можетъ воровъ разгонишь».

Хитрый воевода зналъ, чѣмъ поколебать князя. Онъ видѣлъ, что юноша горѣлъ желаніемъ спасти отъ воровъ родину и потому, стараясь склонить его на свою сторону, онъ долго говорилъ о томъ, какъ хорошо будетъ, если онъ скроется изъ Новгорода на время бунта, а тамъ, дождавшись шведской рати, поведетъ ее на мятежниковъ, разсѣетъ ихъ, спасетъ Москву и царя. Онъ рисовалъ передъ княземъ заманчивыя картины спасенія отчизны, и князь невольно начиналъ склоняться на его доводы... и уже нерѣшительнымъ тономъ проговорилъ:

«А что же скажутъ о насъ люди новгородскіе»?

«Что скажутъ? Да зачѣмъ же имъ знать, что мы бѣжали? Мы пойдемъ къ Ивань-городу, а оттуда вызовемъ воеводу Куракина и скажемъ ему: не могли де мы объявить людямъ новгородскимъ о томъ, что ушли, потому не успѣли, дѣло спѣшное было. Получили де мы письмо отъ Головина изъ Выборга. Звалъ онъ насъ немедля, чтобы сами шли нанимать шведовъ, не то шведы откажутъ въ помощи, коли не поспѣшимъ... Ну, и собрались наскоро, не сказавшись новгородскимъ людямъ»...

Татищевъ говорилъ такъ складно. Видно было, что планъ бѣгства былъ имъ заранѣе обдуманъ.

Князь слушалъ его и самыя разнообразныя чувства волновали его. Онъ понималъ, какъ опасно было оставаться въ городѣ, среди неспокойнаго населенія, и въ то же время душа его возмущалась при мысли о бѣгствѣ. Сдвинувъ брови въ волненьи ходилъ онъ по горницѣ... Татищевъ зорко слѣдилъ за нимъ и молчалъ, а дьякъ Телепневъ, покачивая головой, съ искреннимъ сожалѣніемъ говорилъ:

«Эхъ, князь, пропадешь ни за что! Еще послужилъ бы родинѣ»

Было уже поздно, когда Татищевъ и Телепневъ покинули князя, полнаго глубокаго раздумья.

Князь не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться. При тускломъ свѣтѣ догоравшей свѣчи онъ ясно представлялъ себѣ свою гибель отъ рукъ разъяренной толпы. Онъ погибнетъ, и это въ то время, когда царь ждетъ отъ него помощи, надѣется на него!

И онъ вспоминалъ свои смѣлые планы, которые онъ строилъ дорогой въ Новгородъ, планы спасенія Москвы, царя, родины... Но что же произошло съ тѣхъ поръ? Вѣдь если измѣнилъ Псковъ, если измѣнитъ Новгородъ, то сѣверные города еще вѣрны царю! А шведская рать? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, онъ, какъ говоритъ Татищевъ, можетъ, покинувъ Новгородъ, отправиться въ Выборгъ и ускорить переговоры со шведами.

И князь словно встряхнулся отъ этой мысли. Его вдругъ охватило желаніе жить и дѣйствовать, во что бы то ни стало, жить для спасенія родины, а ужъ если придется погибнуть за нее, то погибнуть славной смертью на полѣ брани.

На другой день, 8-го сентября, въ глухую ночь, не городскими воротами, а черезъ мельничную плотину «черезъ оплотъ мелющія хитрости», по выраженію лѣтописца, изъ Новгорода выѣзжали нѣсколько всадниковъ. Это были Татищевъ, Телепневъ и князь Скопинъ-Шуйскій съ вѣрными имъ людьми.

ГЛАВА V.

Бунтъ въ Новгородѣ по уходѣ воеводъ. Поиски воеводъ. Недовольство князя Михаила. Возвращеніе въ Новгородъ. Гибель Татищева.

Большое смятеніе произошло среди новгородскихъ людей, когда узнали они о внезапномъ исчезновеніи своихъ воеводъ. Напрасно князь Куракинъ повторялъ имъ то, что самъ услыхалъ отъ Татищева, который, согласно своему плану, отъѣхавъ 3 версты отъ Новгорода, вызвалъ его для объясненія причинъ своего ухода. Напрасно увѣрялъ онъ новгородскихъ людей, что воеводы были спѣшно вызваны Головинымъ для найма шведскаго войска, они не вѣрили этому.

«Коли ушли ночью, тайкомъ, никому не сказавшись, стало быть, не по дѣлу поѣхали, а просто бѣжали, испугавшись, какъ бы съ ними того не случилось, что съ воеводой во Псковѣ!»

Такъ говорили новгородскіе люди, толпами собираясь на Торговой площади и на Волховскомъ мосту.

Не было сомнѣнья, въ Новгородѣ начиналась смута. Народъ уже громко начиналъ кричать, что надо догнать воеводъ, схватить ихъ и бросить въ тюрьму. Въ особенности доставалось Татищеву! Крѣпко злобились на него новгородцы за его «неправды великія», за его «кровопійство» и взяточничество, за то, что богатый у него всегда правъ выходилъ, а бѣдный виноватымъ оставался.

Положеніе новгородскихъ властей становилось опасно. Они не знали, что дѣлать: успокаивать народъ не рѣшались, боясь, какъ бы мятежная толпа не растерзала ихъ, бездѣйствовать тоже не смѣли, опасаясь «взысканія» отъ государя. Успокоить толпу удалось уважаемому въ Новгородѣ

митрополиту Исидору, который въ своей спокойной, вразумительной рѣчи совсѣмъ не упоминалъ о ненавистномъ Татищевѣ, но зато много говорилъ въ защиту князя Михаила, не причинившаго новгородцамъ никакого зла.

Послѣ долгихъ споровъ и несогласій, новгородцы пришли, наконецъ, къ «единоглагольному» рѣшенію просить князя Скопина о возвращеніи въ Новгородъ. Послами были выбраны старосты пятиконецкіе, нѣсколько духовныхъ лицъ и кое-кто изъ гражданъ новгородскихъ. Трудно было придти къ согласному рѣшенію, но еще труднѣе оказалось привести его въ исполненіе. Гдѣ искать воеводъ? Князь Куракинъ говорилъ, что они пошли къ Ивань-городу, однако, тамъ ихъ не оказалось, можетъ быть потому, что Ивань-городъ уже передался самозванцу. Послы наугадъ повернули къ Орѣшку. Воеводы дѣйствительно приходили въ Орѣшекъ, какъ о томъ сказывали тамошніе люди, но оттуда ихъ выпроводили, потому что и Орѣшекъ тоже присягнулъ Самозванцу. Послы поспѣшили выбраться изъ Орѣшка и пошли, куда глаза глядятъ. Мѣста подъ Орѣшкомъ были глухія, непроходимыя: либо лѣсная чаща, либо болота. Кони вязли въ топкой землѣ, колымаги не могли проѣхать сквозь густой лѣсъ. Только послѣ долгихъ поисковъ, промучившись цѣлую ночь, послы напали, наконецъ, на слѣдъ своихъ бѣглыхъ воеводъ.

Много злоключеній пришлось вынести новгородскимъ воеводамъ послѣ своего бѣгства изъ Новгорода. Убѣжавъ отъ измѣны въ Новгородѣ, имъ пришлось наткнуться на измѣну въ другихъ городахъ. Почти выгнанные изъ Орѣшка, проскитавшись день и ночь по лѣснымъ дебрямъ, они сбились съ пути и измученные и голодные только къ утру выбрались на поляну, гдѣ можно было отдохнуть въ безопасности.

Не весело было на душѣ у князя Михаила. За эти дни скитаній приглядѣлся онъ къ Татищеву, и понятно ему стало, зачѣмъ тотъ склонялъ его къ бѣгству. За себя опасался Татищевъ, боялся мести новгородцевъ, а его, князя, сбивалъ, чтобы прикрыться имъ: дескать, не онъ одинъ, а и воевода, присланный изъ Москвы, бѣжитъ отъ нихъ, бунтовщиковъ. И стыдно было теперь князю за то, что попался онъ въ ловушку и, послушавшись Татищева, бѣжалъ изъ Новгорода тайно, словно воръ какой. И смерть, самая лютая, въ рукахъ разъяренной черни, начала ему казаться благомъ въ сравненіи съ тѣмъ стыдомъ, который онъ испытывалъ.

Нѣтъ, онъ не пойдетъ больше за Татищевымъ. Вѣдь не испугался же бунта князь Куракинъ. И онъ вернется въ Новгородъ и этимъ возвращеніемъ загладитъ позоръ своего бѣгства, а тамъ, будь, что будетъ!... Съ такимъ рѣшеніемъ князь поднялся съ поляны какъ разъ въ то время, когда послы изъ Новгорода, замѣтивъ своихъ воеводъ, уже шли къ нимъ.

Татищевъ еще издали узналъ новгородскихъ людей. Страшно поблѣднѣвъ, онъ кинулся къ своему коню.

«На коней, въ лѣсъ, успѣемъ скрыться,—бормоталъ онъ, торопливо отвязывая коня,—скорѣй, князь»...

«Нѣтъ, воевода, прячься, куда хочешь, а я за тобой не пойду,—рѣшительно сказалъ князь, не трогаясь съ мѣста, довольно уже я черезъ тебя стыда натерпѣлся».

«Да вѣдь это погоня за нами, сейчасъ насъ схватятъ!..»

Но князь продолжалъ стоять, не двигаясь...

«Поздно, воевода, смотри, новгородскіе люди тебя ужъ замѣтили, догонятъ, коли побѣжишь», насмѣшливо сказалъ онъ, спокойно вглядываясь въ приближающихся всадниковъ.

А новгородскіе люди были уже близко. Пѣшіе, конные,

они направились къ князю. Съ почтительнымъ поклономъ выступилъ впередъ староста Неревскаго конца и сказалъ:

«Зачѣмъ покинулъ, князь, Новгородъ? Зачѣмъ слушалъ злыхъ навѣтовъ? Не бунтовщики новгородцы, не хотѣли они зла. Псковичи имъ не указъ! Новгородъ своимъ умомъ проживетъ, польскимъ панамъ служить не станетъ! Какъ цѣловалъ крестъ царю Василью, такъ на томъ и будетъ стоять. Не опасался-бы князь мятежа, воротился бы въ Новгородъ...»

Тяжелымъ укоромъ въ душѣ молодого князя звучала степенная рѣчь старосты.

И онъ могъ повѣрить Татищеву! Онъ бѣжалъ отъ новгородцевъ, когда у нихъ и на умѣ не было измѣны!

«Не вѣрь, новгородцамъ, князь, обманомъ заманиваютъ», шепталъ за спиной ему Татищевъ, но князь не слушалъ этотъ докучливый шопотъ. Онъ ближе подошелъ къ новгородцамъ. Чувствуя свою вину, онъ не думалъ оправдываться. На его устахъ былъ одинъ отвѣтъ: онъ немедленно вернется въ Новгородъ.

Съ большой торжественностью встрѣтили въ Новгородѣ князя Михаила, зато Татищеву новгородцы не особенно обрадовались. Съ его появленіемъ они снова вспоминали всѣ его «неправды великія». Правда, въ городѣ было тихо, но въ этой тишинѣ чувствовалось что то тревожное. Казалось, достаточно было одной искры, чтобы снова вспыхнулъ мятежъ. Князь Михаилъ, хорошо понимавшій теперь причину тревожнаго настроенія новгородцевъ, не зналъ, какъ ему быть съ Татищевымъ, но Татищевъ самъ вывелъ князя изъ затрудненія. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего возвращенія въ Новгородъ, онъ явился къ нему и сказалъ:

«Дозволь, мнѣ князь, изъ Новгорода отлучиться. Хочу съ ратным людьми на московскую дорогу пойти, тушинцевъ повоевать».

Уйти изъ Новгорода!—Это было, конечно, самое лучшее, что могъ придумать Татищевъ, и тѣмъ не менѣе князь недовѣрчиво поглядѣлъ на него. Ему вспомнились вдругъ слова, сказанныя ему вчера дьякомъ Телепневымъ. «Татищевъ хочетъ проситься на московскую дорогу съ тѣмъ, чтобы попасть въ Москву и погубить царя Василья», говорилъ дьякъ. Князь не придалъ этимъ словамъ значенія, думалъ, доносъ какой; какъ ни плохо онъ думалъ о Татищевѣ, однако не считалъ его способнымъ на измѣну. И вотъ слова дьяка какъ будто оправдывались.

«Зачѣмъ же на московскую дорогу идешь, воевода?– сухо спросилъ онъ. «Тушинцевъ вездѣ много!»

Лукавые глаза воеводы забѣгали. Онъ сталъ что-то говорить въ объясненіе своего намѣренія, но князь уже не слушалъ его.

«Не мнѣ рѣшать это дѣло,—холодно остановилъ онъ его,—пусть сами ратные люди скажутъ, куда тебѣ ихъ вести»...

Въ душу князя уже закралось подозрѣніе. Если обвиненіе Телепнева было справедливо, то измѣна Татищева являлась дѣломъ нешуточнымъ: со своимъ лукавствомъ и пронырливостью Татищевъ могъ надѣлать въ Москвѣ много зла. И тѣмъ не менѣе князь не рѣшался схватить его, пока вина его не доказана. Телепневъ ссылался на ратныхъ людей, будто они сказали ему объ измѣнѣ Татищева, такъ пусть же они и докажутъ свое обвиненіе въ присутствіи самого Татищева, чтобы онъ могъ оправдаться въ случаѣ своей невинности. Такъ рѣшилъ князь, желая суда честнаго, открытаго, а вышло то, чего онъ совсѣмъ не ожидалъ. Когда онъ въ присутствіи новгородскихъ людей объявилъ ратнымъ людямъ о сдѣланномъ на Татищева доносѣ, со всѣхъ сторонъ раздались грозные крики: «измѣнникъ, грабитель, лихоимецъ!» И десятки рукъ потянулись къ Татищеву. Не

успѣлъ князь выхватить саблю, чтобы защитить воеводу, какъ толпа уже поволокла его и, покончивъ съ нимъ, бросила его трупъ въ воду или, по выраженію лѣтописца, «въ рѣчную быстрину воднаго естества».

Съ гибелью Татищева въ Новгородѣ водворилось полное спокойствіе. Въ богатомъ, торговомъ городѣ не было причинъ для остраго недовольства боярскимъ правительствомъ. Это правительство, состоявшее изъ людей, принадлежавшихъ къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ, не могло вызвать къ себѣ въ торговомъ населеніи той ожесточенной вражды, какую питали къ нему тѣ классы общества, единственнымъ источникомъ существованія которыхъ являлась земля. Поэтому смута только слегка задѣла Новгородъ, всколыхнувъ въ немъ свои мѣстныя причины недовольства и озлобленія. Такъ бывало въ то время во многихъ городахъ. Задѣтое смутой, населеніе ихъ обрушивалось прежде всего противъ тѣхъ «самыхъ людей», отъ которыхъ видѣло только обиды и притѣсненія!

Новгородцы успокоились. Зато въ другихъ мѣстахъ смута росла...

ГЛАВА VI.

Вѣсти о новыхъ успѣхахъ Самозванца.—Посылка Телепнева въ Вологду.—Измѣна Вологды.—Отчаяніе князя Михаила.

Въ концѣ сентября прискакалъ изъ Москвы гонецъ съ тревожными вѣстями: Сапѣга разбилъ на голову московскія войска и овладѣлъ главной Ярославской дорогой. Осадивъ находившійся на этой дорогѣ въ 60 верстахъ отъ столицы Троице-Сергіевскій монастырь, онъ занималъ своими отрядами города къ сѣверу отъ Москвы. Переяславль-

Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Кострома и Галичъ съ уѣздами, уже цѣловали крестъ самозванцу. Другой вождь самозванца, Лисовскій, подчинилъ Тушинскому царю всѣ мѣста на сѣверо-востокъ отъ Москвы, между Клязьмою и Волгою, отъ Владиміра до Балахны и Кинешмы. Тушинскіе отряды направились и на сѣверо западъ, къ Угличу и Каши ну и дальше по дорогамъ къ Финскому заливу и къ новгородскимъ мѣстамъ.

Лишь только тушинцы начали занимать сѣверныя дороги, какъ новгородскіе, псковскіе и сѣверныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, служившіе въ царскихъ войскахъ, заспѣшили изъ Москвы къ своимъ домамъ, боясь быть совсѣмъ отрѣзанными отъ своихъ мѣстъ. Царь Василій пробовалъ ихъ «унимать», даже приводилъ ко кресту, но они не послушались, говоря«нашимъ домамъ отъ польскихъ и русскихъ воровъ будетъ разореніе». За ними бросились изъ Москвы и «поѣхали по домамъ же» служилые татары и прочіе инородцы съ Волги.

«Съ отъѣздомъ инородцевъ и служивыхъ людей сѣверныхъ городовъ войска въ Москвѣ сильно поубавилось, и московскіе люди со страху побѣжали въ Тушино, писалъ князю царь, положиться стало не на кого: нынче крестъ цѣлуютъ, клянутся умереть за царя, а на завтра бѣгутъ въ тушинскій лагерь»...

Нечего и говорить, какъ поразила князя Михаила вѣсть о томъ, что царю начали измѣнять сѣверные города. Въ случаѣ измѣны всего сѣвера, царя Василія ожидала неминуемая гибель. Города тамъ торговые, богатые, они дали бы въ руки самозванца большую силу, а Москва, устрашенная его силой и оставшись безъ войска, отворитъ ему ворота. Необходимо было спѣшить на помощь царю, а между тѣмъ отъ шведовъ все еще не было никакого отвѣта. Въ распо-

ряженіи князя были только отряды изъ служилыхъ людей Новгорода, но съ такими незначительными силами нечего было и думать идти къ Москвѣ, когда всѣ мѣста вокругъ нея были уже заняты тушинцами, а на пути къ ней у стѣнъ Троице-Сергіевской лавры съ большимъ войскомъ стоялъ самъ знаменитый Сапѣга.

Князь принимался пересчитывать города и области, оставшіеся вѣрными царю Василію. Ихъ было уже немного, но въ числѣ ихъ пока еще находились такіе богатые города, какъ Вологда, Устюгъ Великій и далѣе области къ Бѣлому морю. И, возлагая на нихъ свою послѣднюю надежду, князь, уже не дожидаясь отвѣта отъ шведовъ, рѣшилъ послать въ Вологду дьяка Телепнева съ наказомъ доподлинно разузнать тамъ о настроеніи въ вѣрныхъ царю областяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вручилъ дьяку грамоту къ вологодскимъ, устюжскимъ, каргопольскимъ и другихъ сѣверныхъ городовъ людямъ, въ которой горячо призывалъ ихъ крѣпко стоять за царя Василія и собирать казну и ратныхъ людей ему на помощь. При этомъ князь указывалъ имъ на примѣръ новгородскихъ людей, которые поклялись помереть за царя Василія.

Однако и здѣсь князя ждало разочарованіе: вскорѣ послѣ отъѣзда Телепнева въ Новгородъ, пришло извѣстіе о томъ, что Вологда, а за нею лежавшая далѣе на сѣверъ Тотьма, уже цѣловали крестъ самозванцу.

Это извѣстіе разбивало всѣ планы князя, всѣ мечты его о спасеніи родины. Примѣру Вологды, несомнѣнно, должны были послѣдовать всѣ сѣверные города и уѣзды, связанные съ нею торговыми интересами. А съ измѣной сѣвера князь оставался безъ ратныхъ людей и безъ казны, необходимой на уплату жалованья какъ своей, такъ и шведской рати.

Княземъ овладѣло уныніе. Отрѣзанный отъ Москвы тушинцами, не смѣя съ малыми силами выступить имъ навстрѣчу, онъ вынужденъ былъ сидѣть въ Новгородѣ въ невольномъ бездѣйствіи. Одинъ за другимъ проходили его дни, полные мучительной тревоги за судьбу столицы, одна за другой тянулись ночи, долгія, томительныя, безъ сна, безъ успокоенія. Онъ представлялъ себѣ всѣ ужасы, какіе ожидали царя и всю его родню, если овладѣютъ Москвой поляки. Отъ нихъ нельзя было ждать пощады. Жестоко отомстили бы они царю и всѣмъ боярамъ за гибель своихъ единоплеменниковъ, перебитыхъ въ ту ночь, когда погибъ царь Дмитрій. И казалось князю въ эти минуты, будто сидитъ онъ въ тюрьмѣ и изъ за желѣзной рѣшетки ея оконца видитъ, какъ гибнетъ все, что дорого ему въ жизни: счастье родины, жизнь и благополучіе семьи—и не можетъ онъ кинуться имъ на помощь, ибо связанъ онъ по рукамъ и ногамъ и тяжелымъ засовомъ заперта дверь тюрьмы.

12743

Въ мучительной тоскѣ обращалъ онъ тогда свой взоръ на образъ Спасителя, какъ бы ища въ немъ поддержки и утѣшенія.

«Не захочетъ Богъ такого дѣла, спасетъ онъ Русь отъ самозванца, какъ спасъ тогда отъ злодѣйскихъ шаекъ Болотникова», успокаивалъ онъ себя, а передъ его глазами со всею ясностью вставала вдругъ статная фигура «Большого воеводы», какимъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, въ день взятія Тулы. Приведенный къ царю плѣнникомъ, Болотниковъ, переступая порогъ царской палатки, окинулъ ихъ всѣхъ, и царя, и воеводъ, такимъ взглядомъ, который онъ, князь Михаилъ, долго не могъ забыть. Въ этомъ взглядѣ была и непримиримая ненависть къ нимъ, «сильнымъ людямъ», и сознаніе своей правоты, и угроза. Да,

угроза! Побѣжденный, закованный въ кандалы, бѣглый холопъ, казалось, грозилъ имъ, царю и боярамъ новыми, страшнѣйшими бѣдами. И тогда же его, князя, безстрашнаго въ бояхъ съ мятежникомъ, невольно охватила какая-то смутная тревога. Словно это было предчувствіе чего-то недобраго. И вотъ оно сбылось. Пришли онѣ эти новыя, страшныя бѣды.

Князь старался отогнать отъ себя это непрошенное воспоминаніе, онъ въ сотый разъ принимался думать надъ тѣмъ, какъ найти выходъ изъ безнадежнаго положенія, въ какомъ очутился царь Василій, а передъ нимъ изъ мрака ночи снова выступало лицо «Большого воеводы» и пугало его все тѣмъ же зловѣщимъ, угрожающимъ взглядомъ. А между тѣмъ... Какъ бы радостно забилось сердце князя, если бы онъ зналъ, что происходило въ это время въ сѣверныхъ городахъ!...

ГЛАВА VII.

Значеніе Вологды.—Перемѣна въ настроеніи сѣверныхъ городовъ.—Недовольство ихъ тушинскимъ царемъ.

Недаромъ княземъ Михаиломъ овладѣло отчаянье, когда узналъ онъ о томъ, что тушинцамъ передалась Вологда. Въ описываемое время Вологда, расположенная при началѣ р. Сухоны, впадающей въ Сѣв. Двину, была станціей, гдѣ товары, идущіе изъ Москвы на сѣверъ, или съ сѣвера въ Москву, перегружались съ телѣгъ на суда и обратно и гдѣ купцы, застигнутые распутицей, нерѣдко жили по недѣлямъ, выжидая полой воды или зимняго пути. Важное торговое значеніе Вологда пріобрѣла еще при Грозномъ царѣ. Въ 1553 году судьба неожиданно привела къ устью Сѣв. Двины англійскихъ купцовъ. Застигнутые бурей въ Бѣломъ

морѣ, корабли ихъ пристали къ русскому берегу... съ той поры завязалась торговля между русскими и англичанами. Англичане сразу увидѣли, что Вологда, расположенная на пути между сѣверомъ и Москвой, можетъ быть прекраснымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ. Кромѣ того, городъ славился прядильнымъ и ткацкимъ дѣломъ, а также и кожевеннымъ производствомъ. Принимая во вниманіе всѣ эти выгоды, англійскіе купцы завели въ Вологдѣ свои дворы. Съ тѣхъ поръ городъ началъ быстро богатѣть.

Зима 1608 года въ торговой жизни Вологды имѣла особое значеніе. Здѣсь находились всѣ иностранные товары, которые, послѣ выгрузки ихъ въ устьяхъ Сѣв. Двины, были направлены по обычаю въ Москву, но застряли въ Вологдѣ, благодаря тому, что тушинцы, овладѣвшіе сѣверными Замосковскими городами, закрыли имъ дорогу въ столицу. Вмѣстѣ съ иностранными купцами въ Вологдѣ сидѣли «всѣ лучшіе люди, московскіе гости», т. е. московскіе купцы, которые выѣхали изъ Москвы на сѣверъ по торговымъ и государевымъ дѣламъ и теперь, боясь двинуться дальше, не могли вернуться въ Москву. Съ ними были ихъ «великіе товары» и «государева казна», состоявшая изъ денегъ и дорогихъ мѣховъ, соболей, куницъ, лисицъ и пр. Однимъ словомъ въ Вологдѣ сосредоточивались всѣ богатства, которыя Москва получала ежегодно съ сѣвера по первому зимнему пути.

Неудивительно, что и тушинцы обратили свое особенное вниманіе на Вологду. Богатые города казались имъ тѣмъ золотымъ дномъ, откуда можно было доставать продовольствіе своимъ войскамъ, а также деньги и предметы роскоши для польскихъ пановъ. Кромѣ того, они не хуже князя Михаила понимали, что, овладѣвъ Вологдой, они могутъ рас-

поряжаться тогда всѣми главными путями, ведущими въ Поморскія области, гдѣ были такіе богатые города, какъ напримѣръ Устюгъ Великій, черезъ который шелъ въ Москву весь пушной товаръ изъ Сибири. Поэтому приверженцы тушинскаго царя не разъ извѣщали его главнаго вождя Сапѣгу о томъ, что ему слѣдуетъ поскорѣй занять богатую Вологду. Явились, наконецъ, туда и послы съ грамотой изъ Тушина. Въ этой грамотѣ Тушинскій царь обѣщалъ вологжанамъ великія милости и льготы: за вѣрную службу ему, писалъ онъ, они будутъ награждены и деньгами и помѣстьями, имъ будутъ отмѣнены всѣ подати, которыя они платили въ государеву казну...

Вологодскіе люди не стали долго раздумывать надъ этой грамотой. Кто же отказывается отъ добра, отъ новыхъ льготъ и милостей? Присяга царю Василію не удерживала ихъ. Они видѣли, что на московскомъ престолѣ за послѣднее время стало твориться что-то неладное. Ужъ слишкомъ быстро начали смѣняться московскіе цари, причемъ каждый изъ нихъ непремѣнно называлъ своего предшественника самыми нелестными именами. Царь Дмитрій называлъ Годунова похитителемъ престола, царь Василій называлъ царя Дмитрія незаконнымъ государемъ и чернокнижникомъ. А самого царя Василія теперь тушинскій царь величалъ въ своихъ грамотахъ и обманщикомъ и злодѣемъ. И всѣмъ этимъ царямъ ихъ заставляли присягать, а кто изъ нихъ былъ истинный царь, кто злодѣй и обманщикъ, они не могли дознаться. Вологжане, подобно большинству русскаго населенія, окончательно запутались въ этомъ дѣлѣ и перестали съ уваженіемъ относиться къ присягѣ. Не зная, на чьей сторонѣ право, на сторонѣ ли царя Василія, или на сторонѣ тушинскаго царя, они готовы были служить тому, кто окажется щедрѣе на милости. Поэтому безо всякаго сопро-

тивленія Вологда сдалась самозванцу и стала ожидать отъ него обѣщанныхъ милостей.

Ждать пришлось недолго. Въ Вологду скоро пожаловали сборщики податей, и потребовали на Государя царя и великаго князя Дмитрія Ивановича «краснаго питія и прочихъ товаровъ». Смущенные такимъ неожиданнымъ требованіемъ, вологжане сослались на обѣщанія грамоты. Въ отвѣтъ сборщики дерзко приступили къ сбору податей и эти подати оказались гораздо тяжелѣе поборовъ на царя Василія. При этомъ сборъ ихъ сопровождался произволомъ и насиліями.

Вологжане заволновались отъ такихъ милостей новаго царя. Въ великомъ смятеніи они начали сноситься съ сосѣдними городами, раньше ихъ признавшими власть тушинцевъ, съ Ярославлемъ, Галичемъ, Костромой и др. Оказалось, что тамъ было то же самое, тотъ же произволъ, тѣ же поборы и деньгами и натурой. Мало того, польскіе паны изъ Тушинскаго стана безъ церемоніи размѣщались въ сосѣднихъ замосковныхъ помѣстьяхъ и хозяйничали тамъ, какъ дома, ѣли, пили, кормили свою челядь хозяйскимъ добромъ, а въ селахъ и деревняхъ грабили народъ. Послѣ такихъ поступковъ замосковное населеніе ясно увидало, что признаніе надъ собой власти тушинцевъ обойдется ему слишкомъ дорого, и царь Василій, какой бы онъ ни былъ, законный или незаконный, все же былъ лучше Тушинскаго царя. А тутъ еще отъ царя Василія грамота пришла... Понимая, какъ важно было для него сохранить за собой замосковныя и поморскія мѣста, царь старался усовѣстить измѣнниковъ и снова привлечь ихъ на свою сторону.

«Несчастные»! такъ обращался онъ къ жителямъ Галича, Ярославля, Костромы, Вологды и др. «Несчастные! Кому вы рабски цѣловали крестъ и служите? Злодѣю и злодѣямъ, бродягѣ и ляхамъ! Уже видите ихъ дѣла и еще гнуснѣйшія

увидите! Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ государство и церковь, когда падетъ Москва, а съ нею и святое отечество и святая вѣра, то будете отвѣтствовать уже не намъ, а Богу... есть Богъ мститель! Въ случаѣ же раскаянія и новой вѣрной службы, обѣщаемъ вамъ, чего у васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу, торговлю безпошлинную на многія лѣта».

Эта грамота подлила масла въ огонь. Жители сѣверныхъ областей успѣли уже наглядѣться на гнусныя дѣла тушинцевъ, и потому глубокой правдой прозвучалъ для нихъ укоръ царя Василія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не злодѣю цѣловали они крестъ?

Если тушинскій царь позволялъ своимъ властямъ злодѣйски мучить своихъ подданныхъ, если онъ окружилъ себя «ворами» и допускаетъ воровскіе поступки, стало быть и самъ онъ никто иной, какъ воръ!

Такъ стали они думать и уже готовы были отложиться отъ своего новаго царя, котораго прозвали «Тушинскимъ воромъ». Первыми отложились отъ вора Кострома и Галичъ и стали собирать ополченіе на борьбу съ его отрядами. Ихъ примѣру послѣдовала и Вологда. Когда туда прибылъ изъ Тушина дьякъ и хотѣлъ запечатать купеческіе товары съ тѣмъ, чтобы отобрать ихъ въ пользу Тушинскаго царя, купцы рѣшительно воспротивились этому. А вологодскіе люди говорили: «хотя мы и крестъ ему, вору, цѣловали, но только бы Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ, далъ бы побѣду Государю Василію Ивановичу, а мы всей душой рады ему головами служить, пусть только другіе города помогутъ». И тутъ же изъ Вологды былъ посланъ гонецъ къ царю Василію съ запросомъ, какъ имъ защитить себя и свое имущество отъ тушинскихъ воровъ.

Обрадованный такимъ оборотомъ дѣла, царь Василій не-

медленно отправилъ въ Вологду новую грамоту, въ которой предписывалъ вологодскимъ людямъ снестись съ Новгородомъ, гдѣ живетъ воевода князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, посланный имъ для защиты городовъ отъ «воровъ». Къ нему бы и обращались они за совѣтомъ и за помощью, и ему бы оказывали всяческое содѣйствіе.

Обрадовались жители сѣверныхъ областей, узнавъ что въ Новгородѣ есть защитникъ отъ «воровъ». Эта вѣсть, переходя изъ города въ городъ, мало по малу выросла въ баснословный слухъ о томъ, будто у воеводы Скопина-Шуйскаго собрались несмѣтныя рати и съ помощью ихъ онъ уже погромилъ Тушино.

Вотъ въ это-то время, когда населеніе сѣверныхъ городовъ, возмущенное «воровскими» поступками тушинцевъ, готово было перейти на сторону царя Василія, въ Вологду и явился дьякъ Телепневъ съ грамотой отъ князя Скопина-Шуйскаго.

На разспросы вологжанъ и бывшихъ въ Вологдѣ торговыхъ людей другихъ городовъ, дьякъ Телепневъ давалъ обстоятельные отвѣты и много разсказывалъ про князя Скопина, про его приверженность къ царю Василію, про его готовность животъ свой положить за царя и отечество.

Положимъ, Тушино онъ еще не погромилъ, но непремѣнно погромитъ, убѣжденно говорилъ дьякъ, вотъ только рать шведская къ нему придетъ, да они, люди замосковныхъ и поморскихъ городовъ, казной да ратными людьми помогутъ.

Грамота князя, прочитанная всенародно, заставила призадуматься людей вологодскихъ и гостей московскихъ, и купцовъ иноземныхъ, и торговыхъ людей Устюга Великаго, Бѣлоозера, Каргополя и др.: князь просилъ подмоги казной и ратными людьми. Оказать подмогу они не отказывались,

но вѣдь прежде всего имъ самимъ нужна была помощь противъ тушинцевъ.

И послѣ долгихъ совѣщаній сѣверные города рѣшили отправить въ Новгородъ ходоковъ «для вѣстей»: повидали бы ходоки самого воеводу Скопина, испросили бы у него совѣта и помощи противъ «воровъ» сперва для сѣверныхъ городовъ, а тамъ ужъ и ему обѣщали бы помощь и казной и ратными людьми.

Ходоками въ Новгородъ были выбраны вологодскіе старосты, которые и двинулись въ путь 14-го декабря.

ГЛАВА VIII.

Тушинцы подъ Новгородомъ. Вѣрность Новгорода царю. Отвѣтъ шведовъ. Условія договора. Приходъ въ Новгородъ вологодскихъ ходоковъ.

Мы оставили князя Михаила въ большой тревогѣ по случаю измѣны сѣверныхъ городовъ и въ полной неизвѣстности относительно той перемѣны, которая произошла въ ихъ настроеніи.

Тревога князя еще болѣе усилилась, когда въ началѣ Рождественскаго поста, то-есть въ половинѣ ноября, подъ Новгородомъ появился отрядъ тушинцевъ подъ начальствомъ Кернозицкаго, и среди новгородскихъ людей стали ходить грамоты отъ Тушинскаго царя съ предложеніемъ присягнуть «законному государю Дмитрію Ивановичу» и съ обѣщаніемъ отъ него всевозможныхъ льготъ и милостей.

Чутко слѣдя за настроеніемъ новгородскихъ людей, князя Михаилъ съ ужасомъ видѣлъ начинающееся среди нихъ колебаніе. Такъ многіе дворяне уже начали открыто отъѣзжать въ Тушинскій лагерь. Однако тревога князя оказалася напрасной: отдѣльные случаи отъѣзда къ «ворамъ»

не помѣшали новгородцамъ сдержать клятву, данную князю Михаилу подъ Орѣшкомъ. Въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ, они стойко держались противъ тушинцевъ, не поддаваясь на ихъ заманчивыя обѣщанія и не страшась ихъ угрозъ. Кернозицкій принужденъ былъ уйти изъ подъ Новгорода, потерявъ всякую надежду овладѣть имъ.

Однако побѣда надъ Кернозицкимъ не подвинула впередъ дѣло освобожденія родины отъ «воровъ», ради котораго князь пріѣхалъ въ Новгородъ. Безъ ратныхъ людей и безъ казны онъ попрежнему былъ безсиленъ.

Не обрадовалъ его и полученный имъ вскорѣ послѣ ухода Кернозицкаго отвѣтъ Головина. Шведы готовы были исполнить свое обѣщаніе и оказать поддержку царю Василію но, взамѣнъ того, они предъявляли такія требованія, которыя заставили князя сильно призадуматься. Шведскій король предлагалъ Московскому царю 2000 конныхъ и 3000 пѣшихъ ратниковъ за 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ, причемъ жалованье должно быть уплочено за мѣсяцъ впередъ сейчасъ же при вступленіи шведской рати на Московскую землю. Кромѣ того, воевода Скопинъ-Шуйскій долженъ будетъ подарить шведскому войску сверхъ жалованья 5000 рублей. Наконецъ, въ знакъ признательности за помощь, Московскій царь долженъ будетъ уступить шведамъ въ вѣчное владѣніе городъ Корелу.

Шведы ждутъ немедленнаго отвѣта, писалъ Головинъ, а между тѣмъ князь не зналъ, какой дать имъ отвѣтъ. У него не было казны на уплату впередъ жалованья; не могъ онъ согласиться и на уступку Корелы: это вызвало бы большое неудовольствіе въ народѣ, потому что этотъ городъ достался русскимъ слишкомъ дорогой цѣной, много было пролито за него русской крови.

Не имѣя возможности согласиться на условія шведовъ,

князь въ то же время не могъ и отказаться отъ ихъ помощи. По грамотамъ царя Василія зналъ онъ, что дѣла въ Москвѣ были плохи. Со всѣхъ сторонъ столица была окружена «ворами». А послѣ того, какъ они заняли главную Ярославскую дорогу, съѣстные припасы стали доставляться туда съ большимъ трудомъ. Поэтому хлѣбъ сильно поднялся въ цѣнѣ, и чернь голодная, озлобленная, подстрекаемая измѣнниками, часто бунтуетъ и грозится впустить въ столицу вора. Безъ шведской подмоги князь не могъ двинуться на выручку Москвы, и принужденъ былъ сидѣть въ полномъ бездѣйствіи, ежеминутно ожидая извѣстія о гибели царя Василія.

И чуть не въ десятый разъ перечитывалъ князь присланную Головинымъ грамоту Шведскаго короля.

«Берегитесь, примите думу, пока вамъ подмогу даютъ,— писалъ Карлъ IX, убѣждая согласиться на свои условія,— сами увидите, если поляки и Литва надъ вами силу возьмутъ, то не пощадятъ ни патріарха, ни митрополитовъ, ни архіепископовъ, ни игуменовъ, ни воеводъ, ни дьяковъ, ни дворянъ, ни дѣтей боярскихъ, ни гостей, ни торговыхъ людей, ни дѣтенковъ въ пеленкахъ, не только что иныхъ, доколѣ не изведутъ славный Россійскій родъ».

Эта грамота заключала въ себѣ много правды. Ужъ, конечно, поляки, овладѣвъ русской землей, не пощадили бы «славный Россійскій родъ» и въ конецъ разорили бы всю страну!

Не хуже иноземцевъ понималъ это князь Михаилъ, но хорошо понималъ онъ также и то, что чужеземный король, предлагая тяжкія условія, прежде всего хочетъ къ своей выгодѣ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ Московскаго царя.

Что было дѣлать? На что рѣшаться?

Въ эти минуты раздумья и нерѣшительности, въ Новгородъ прибыли вологодскіе ходоки.

Отрядъ Кернозицкаго, загородившій имъ путь, продержалъ ихъ двѣ недѣли на Тихвинѣ. Они явились въ Новгородъ только тогда, когда дорога къ нему очистилась отъ «воровъ».

Это было въ половинѣ января.

ГЛАВА IX.

Бесѣда князя Михаила съ вологодскими ходоками. Вологодскіе ходоки просятъ у князя помощи противъ тушинцевъ.

Короткій январскій день приходилъ уже къ концу, когда въ покои князя Михаила вошли два человѣка, одѣтые въ длинные суконные кафтаны. Одинъ изъ нихъ былъ высокій широкоплечій старикъ съ большой лысиной и съ густыми сросшимися бровями, изъ-подъ которыхъ зорко выглядывали небольшіе темные глаза, другой, помоложе, имѣлъ открытое, благодушное лицо густо обросшее свѣтлорусой окладистой бородой. Это были вологодскіе ходоки. Оба они, переступивъ черезъ порогъ горницы, въ которой ожидалъ ихъ князь, сперва долго крестились на образа, въ изобиліи украшавшіе передній уголъ горницы и затѣмъ, обернувшись къ князю, низко поклонились ему.

«Поклонъ тебѣ, князь, шлютъ вологодскіе люди, началъ старикъ, послали они насъ къ тебѣ для вѣстей, стало быть доподлинно все разузнать... Прошелъ слухъ въ нашихъ краяхъ, будто ты съ великими силами къ Москвѣ пошелъ и Тушино погромилъ, а тутъ отъ тебя посолъ твой, дьякъ Телепневъ, грамоту привезъ; въ грамотѣ другое написано, да и дьякъ тоже сказывалъ—до Москвы, говоритъ, еще далеко»..

«Правду сказалъ вамъ дьякъ Телепневъ, до Москвы еще далеко,—перебилъ князь рѣчь старика,—только не возьму я въ толкъ, люди вологодскіе, зачѣмъ пожаловали вы ко мнѣ, вѣрному царскому слугѣ, коли вы вору передались и измѣнниками стали»...

И брови князя невольно нахмурились. Но вологодскихъ людей нисколько не смутила эта неласковая встрѣча молодого князя. Тотъ, что помоложе, чуть примѣтно улыбнулся, а старикъ, слегка сощуривъ глаза, укоризненно покачалъ головой и сказалъ:

«Напрасно, князь, измѣнниками насъ величаешь, нешто забылъ пословицу: рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше!»

На лицѣ князя выразилось крайнее изумленіе.

Въ своемъ ли умѣ былъ старикъ? Что онъ говорилъ?

«Да нешто отъ законнаго царя можно искать лучшаго,—воскликнулъ онъ съ искреннимъ негодованіемъ.—Измѣна законному государю есть великій грѣхъ. Царь Богомъ вѣнчанъ на царство, онъ—помазанникъ Божій»...

Лица старика сдѣлалось серьезно. Онъ ближе подошелъ къ князю и тихо проговорилъ:

«Правильно говоришь, князь, великій грѣхъ измѣнить законному государю! только скажи ты намъ, гдѣ онъ, законный-то государь?»

«Какъ гдѣ? Въ Москвѣ. Одинъ законный государь у насъ, вѣнчанный на царство царь Василій Ивановичъ!» Строго сказалъ князь. «Вотъ то то и оно! Царь Василій, говоришь ты, законный государь! Ну, а передъ нимъ былъ царь Дмитрій Ивановичъ, онъ то кто былъ?»

«Онъ былъ воръ и обманщикъ», не колеблясь отвѣчалъ князь.

«И про то мы слыхали, князь,—неторопливо продолжалъ

старикъ,—царь Василій, какъ сѣлъ на царство, по всѣмъ городамъ грамоты разослалъ. Читали и мы ихъ. Въ нихъ явственно было написано: обманщикъ, еретикъ и богоотступникъ былъ тотъ человѣкъ, который называлъ себя царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ. Только вотъ не возьмемъ мы въ толкъ, князь, какъ оно выходитъ: царь Дмитрій Ивановичъ вѣнчался на царство, и всѣ ему присягали, и простой народъ, и бояре, и князья, присягалъ ему и теперешній царь Василій, стало быть, онъ тоже помазанникомъ Божіимъ его почиталъ, а тутъ вдругъ въ грамотахъ передъ всѣмъ народомъ его воромъ и обманщикомъ обзываетъ! Какъ же такъ, князь? Помазанникъ Божій, онъ же воръ и обманщикъ! И зачѣмъ царь Василій присягалъ ему, коли зналъ, что онъ еретикъ и богоотступникъ?»

Старикъ въ недоумѣніи развелъ руками и, вздохнувъ, прибавилъ:

«Не приведи Богъ, что творится въ Москвѣ! И гдѣ правду отыскать, и кто законный царь, кто воръ и обманщикъ, одному Богу извѣстно!»

Эти слова старика, полныя сомнѣній въ законности царя Василія, поразили князя Михаила больше, чѣмъ всѣ мятежныя рѣчи противъ царя, слышанныя имъ на стоянкахъ во время пути изъ Москвы въ Новгородъ. Этотъ степенный старикъ со своей тихой, спокойной рѣчью совсѣмъ не походилъ на мятежника и бунтовщика. Видимо, его самого мучило, что онъ не могъ разобраться въ томъ, что творилось на Московскомъ престолѣ за послѣдніе года. Видно было, что его смѣлые вопросы были вызваны страстнымъ желаніемъ во что бы то ни стало «отыскать правду».

И вмѣсто того, чтобы рѣзко оборвать старика, князь сказалъ только:

«Обманомъ сѣлъ на престолъ тотъ человѣкъ, что на-

зывалъ себя сыномъ Грознаго царя, обманулъ онъ всѣхъ людей московскихъ, и бояръ, и купцовъ и простой народъ, обошелъ ихъ»...

Но вологодскихъ людей не удовлетворилъ этотъ отвѣтъ. Помолчавъ немного, старикъ сказалъ:

«И про это, князь, въ грамотѣ царя Василія писано, дескать, вѣдовствомъ, и чернокнижествомъ прельстилъ онъ всѣхъ людей, въ родѣ какъ бы помрачилъ онъ всѣ умы: да только чудно это»...

«Чудно и есть, князь,—въ свою очередь вставилъ дотолѣ молчавшій товарищъ старика,—не диво, простой, темный народъ обмануть, а тутъ вѣдь и князья, и бояре въ обманъ дались! Неужто никого изъ нихъ не нашлось, чтобы обманъ одного человѣка обнаружить? Чудно!

Вологодскіе люди вопросительно глядѣли на князя, какъ бы ожидая его отвѣта, а князь молчалъ: словно эти неожиданные, смѣлые вопросы застали его врасплохъ, и онъ не зналъ, что отвѣтить на нихъ.

А старикъ не унимался.

«Опять же, князь,—снова началъ онъ,—когда совершилось въ Угличѣ это страшное дѣло, Борисъ Годуновъ туда теперешняго царя посылалъ разузнать, какъ оно все тамъ произошло. И теперешній царь потомъ неоднажды передъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовалъ, что царевичъ Дмитрій, играючи, самъ ножемъ закололся и будто мертвымъ онъ его въ гробу видѣлъ. Какъ же потомъ онъ царя Дмитрія Ивановича подлиннымъ сыномъ Грознаго царя призналъ, коли тотъ во младенчествѣ ножемъ закололся и коли онъ самъ его мертвымъ въ гробу видѣлъ? Дивно все это, князь!..»

Остановить бы эту дерзкую рѣчь старика! Его ли дѣло допытываться до всего, его ли дѣло судить царей, а между тѣмъ князь продолжалъ молчать. Онъ чувствовалъ, что

устами старика какъ бы говорилъ весь русскій народъ. Вопросы и сомнѣнія вологодскихъ людей вскрывали передъ нимъ тѣ думы и чувства, которыя волновали въ то время бо́льшую часть русскаго населенія. И онъ молчалъ. Мало того, онъ жадно вслушивался въ смѣлыя рѣчи вологжанъ, и казалось ему, что начиналъ онъ понимать причины той великой смуты, которая разлилась по московской землѣ.

«Вотъ оно что,—думалъ онъ,—вотъ почему замутилась московская земля, вотъ откуда пошла «шатость» въ народѣ и въ войскахъ... Не вѣрятъ царю! Народъ русскій пересталъ понимать, что творится на Московскомъ престолѣ; большимъ соблазномъ явились для него грамоты царя Василія, въ которыхъ онъ называлъ еретикомъ и богоотступникомъ того, кому самъ же такъ недавно цѣловалъ крестъ Царю не вѣрятъ!»

Князь понималъ, что ему, вѣрному слугѣ царя Василья, слѣдовало или разсѣять сомнѣнья стоявшихъ передъ нимъ людей, или остановить ихъ смѣлыя рѣчи.

«Что толковать о томъ, что было,—сказалъ онъ,—не намъ про то знать, какъ оно все вышло. Московская земля выбрала въ цари Василія Ивановича Шуйскаго, ему и будемъ служить вѣрой и правдой».

Однако такой отвѣтъ не заставилъ замолчать вологодскихъ людей.

Нельзя сказать человѣку «не думай», если мысль его начала работать и жадно ищетъ отвѣта. Безполезно говорить ему «вѣрь», когда въ душѣ его возникли сомнѣнья.

«Вотъ опять ты говоришь, князь,—началъ молодой вологжанинъ, будто вся Московская земля выбрала въ цари Шуйскаго, и въ царской грамотѣ то же самое сказано, дескать «по челобитью и прошенію всего православнаго христіанства учинился царь Василій на Московскомъ пре-

столѣ». Какъ же мы то, замосковныхъ городовъ люди, про то не знали? Какъ же поморскія области не извѣщались о его избраніи? Когда Годунова въ цари избирали, насъ извѣщали о томъ, а тутъ никто ничего не зналъ. Стало быть не вся земля избирала царя Василья»...

И на это князю нечего было возразить. Его дядя, дѣйствительно, былъ посаженъ на царство лишь небольшой кучкой своихъ друзей, и никакія грамоты его не могли увѣрить народъ въ томъ, что онъ «учинился на престолъ по челобитью всего православнаго христіанства». Это князь Михаилъ прекрасно понялъ изъ словъ вологжанина. Этотъ человѣкъ какъ бы ставилъ въ вину царю Василію его самовольный захватъ царской власти.

Что же дальше? Что могъ онъ услыхать еще отъ этихъ невѣдомо зачѣмъ пришедшихъ къ нему людей?

Послѣ всего, что они сказали, они могли спросить его: «Да самъ-то царь Василій, ужъ не омрачилъ ли онъ москвитянъ такъ же какъ омрачилъ ихъ царь Дмитрій Ивановичъ? Его избраніе на царство, безъ вѣдома земли русской, ужъ не есть ли это тоже навожденіе бѣсовское?»

Нѣтъ, довольно. Князь не хотѣлъ больше слушать такихъ рѣчей. И властно, почти грозно онъ сказалъ:

«Что же вамъ нужно отъ меня, приспѣшники «вора» и злодѣя, не затѣмъ ли вы пожаловали сюда, чтобы я, вѣрный слуга царя Василія, слушалъ ваши мятежныя рѣчи?»

И онъ поднялся съ лавки, какъ бы давая понять, что больше имъ разговаривать не о чемъ. Большое недоумѣніе выразилось на лицахъ вологжанъ.

За что же разгнѣвался на нихъ князь? Ихъ ли вина въ томъ, что они, люди темные, не понимаютъ, что творится въ Москвѣ. Ему бы объяснить имъ, какъ оно все вышло, ему ближе знать московскія дѣла, а онъ слушать ихъ не

хочетъ, онъ стоитъ передъ ними такой гнѣвный, неприступный.

«Зачѣмъ же пожаловали вы ко мнѣ, люди вологодскіе»? еще разъ настойчиво спросилъ онъ ихъ.

«Зачѣмъ? Просить защиты противъ Тушинскаго Вора!» спокойно отвѣтили они.

«Какъ? Да вѣдь вы сами добровольно передались ему? сами признали его царемъ?—съ нескрываемымъ изумленіемъ воскликнулъ князь, ничего еще не знавшій о перемѣнѣ въ настроеніи сѣверныхъ городовъ.

«Вѣрно говоришь, князь, никто насъ не неволилъ, сами передались, потому, думали лучше будетъ. Анъ, вышло хуже!..

Замучили поборами проклятые ляхи! Допрежъ того, ладно жили, ни о какихъ насильствахъ не слыхали, сами промежъ себя подати на государя собирали, а тутъ на поди, грабежи да разбои пошли... все тащатъ! что ни день, то новые поборы на царя Дмитрія Ивановича! Да какой это царь, коли онъ своихъ православныхъ людей на поруганіе нечестивымъ ляхамъ отдалъ! Прямой онъ воръ и разбойникъ!»

Вологодскіе люди заговорили оба разомъ. Волнуясь и перебивая другъ друга, они жаловались князю на обиды и притѣсненія тушинцевъ...

«Освободи, князь, отъ злодѣевъ, просятъ о томъ тебя люди вологодскіе, тотемскіе, каргопольскіе, изъ Бѣлоозера, изъ Устюга Великаго приходили старосты, всѣ ждутъ отъ тебя помощи. Потому, отписалъ намъ царь Василій, будто ты присланъ въ Новгородъ для защиты отъ воровъ. Освободи, князь»!..

Князь Михаилъ былъ смущенъ. Онъ слушалъ эти рѣчи вологодскихъ людей, проникнутыя негодованіемъ противъ тушинцевъ и не зналъ, вѣрить ли ихъ искренности.

А вологодскіе люди продолжали просить его помощи и ждали отвѣта.

«Идите пока. Завтра утромъ дамъ вамъ отвѣтъ», сказалъ онъ.

Вологодскіе люди съ низкимъ поклономъ покинули покои князя.

ГЛАВА X.

Князь Михаилъ отправляетъ рать для защиты сѣверныхъ городовъ отъ тушинцевъ, и соглашается на условія договора, предложенныя шведами. Движеніе на сѣверѣ.

Оставшись одинъ, князь долго ходилъ по горницѣ, обдумывая свой отвѣтъ вологодскимъ людямъ.

«Какъ бы расправился съ ними Грозный царь», невольно подумалъ онъ, и въ полумракѣ надвигающихся сумерекъ передъ нимъ встали картины изъ недавняго прошлаго родной земли.

Князь не зналъ Грознаго царя, онъ родился черезъ 4 года послѣ его смерти, но воспоминаніями объ ужасахъ его царствованія жили всѣ его близкіе. Будучи ребенкомъ, онъ постоянно слышалъ жалобныя причитанья мамокъ, мужья и братья которыхъ были казнены подозрительнымъ царемъ. И позднѣе, юношей, онъ слышалъ все тѣ же разсказы о пыткахъ и казняхъ, которыми Грозный каралъ воображаемыхъ измѣнниковъ. А когда началась смута, и всѣ слои общества, словно проказой, были заражены измѣной, князю нерѣдко приходилось слыхать отъ стариковъ сѣтованія на новыя времена: «страха въ людяхъ не стало,—говорили они,—вотъ кабы поднялся изъ гроба Иванъ Васильевичъ, небось, куда бы всѣ измѣнники подѣвались... Умѣлъ Грозный царь выметать измѣну, что и говорить! Бывало тысячи невинныхъ

загубитъ, а ужъ измѣнника разыщетъ. И боялись православные царя! А теперь не то, не тѣ времена пошли! Страхъ въ людяхъ пропалъ».

Времена, дѣйствительно, пошли другія,—думалъ князь,—но правы ли были старики, говоря, что стоило только подняться Грозному царю, чтобы измѣна исчезла съ лица русской земли? Не хуже Грознаго расправился царь Василій съ измѣнниками послѣ побѣды надъ Болотниковымъ, не жалѣючи казнилъ и топилъ онъ тысячи православныхъ, ну, а измѣна... она растетъ, рѣкой разливается по русской землѣ! Страха въ людяхъ не стало, вотъ это правильно!—продолжалъ онъ думать.—Страхомъ теперь не возьмешь народъ, казнями да пытками не запугаешь! Что будетъ изъ того, если онъ прикажетъ схватить вологодскихъ людей какъ измѣнниковъ? Такой мѣрой онъ только заставитъ сѣверъ окончательно отвернуться отъ царя Василія. А, между тѣмъ, на помощи сѣверныхъ городовъ онъ строилъ всѣ свои планы на спасеніе родины! И чѣмъ дальше думалъ князь, тѣмъ яснѣе становилась для него необходимость обласкать вологодскихъ ходоковъ и показать имъ, что царь Василій умѣетъ защищать своихъ подданныхъ отъ воровъ и злодѣевъ. Съ тѣми небольшими отрядами войска, которые были у него въ Новгородѣ, нельзя было выйти на большую Московскую дорогу, занятую лучшими силами Вора, но для защиты одного города ихъ было вполнѣ достаточно. И на другой день, призвавъ вологодскихъ ходоковъ, князь, протягивая имъ написанную наканунѣ грамоту, сказалъ:

«Отнесите эту грамоту въ Вологду, въ ней все отписано, пересылайте ее по всѣмъ городамъ, поморскимъ и замосковнымъ, пускай всѣ знаютъ, что царь Василій не отказываетъ въ помощи своимъ подданнымъ. Слѣдомъ за вами пойдетъ рать на защиту Вологды отъ воровъ. Только за-

помните слово мое: великая бѣда грозитъ Москвѣ! Коли не отстоится она отъ воровъ, стало-быть и вся русская земля попадетъ въ руки ляховъ. Ну, а каково жить подъ ихъ властью, сами видѣли»!

«Не дай Богъ, князь, оборони Богъ отъ этакой бѣды!» разомъ воскликнули вологжане.

Говоря о своихъ разсчетахъ на шведскую помощь, князь не скрылъ отъ нихъ и того, сколько казны понадобится ему на расплату съ иноземнымъ войскомъ.

«Оборони ты сперва наши города отъ воровъ, а тамъ ничего не пожалѣемъ. Ратными людьми, деньгами, всѣмъ поможемъ царю Василію!» въ отвѣтъ на это горячо сказали ходоки.

Слушалъ князь эти обѣщанія вологодскихъ ходоковъ, вспоминалъ ихъ вчерашнія рѣчи, и ясно было для него, что не за царя Василія готовы стать эти люди, не онъ дорогъ имъ, онъ, которому они не вѣрятъ! Они встаютъ за законнаго государя только потому, что обманулись въ Тушинскомъ царѣ. Если бы воръ оказался лучше царя Василія, они не отвернулись бы отъ него...

Но такъ или иначе, этимъ настроеніемъ сѣверныхъ областей нужно было пользоваться.

И заручившись обѣщаніемъ ходоковъ относительно денежной помощи, князь тутъ же, по уходѣ ихъ, написалъ Головину, что согласенъ на условія, предлагаемыя шведами: онъ готовъ уплатить шведской рати жалованье впередъ, а городъ Корелу обѣщаетъ пока тайно, чтобы не знали о томъ русскіе люди.

И впервые за эти нѣсколько мѣсяцевъ безнадежнаго унынія передъ княземъ Михаиломъ снова блеснулъ лучъ надежды.

Между тѣмъ вологодскіе ходоки не теряли времени и уже въ концѣ января были въ Вологдѣ.

Грамота князя была прочитана ими «всенародно», въ присутствіи вологодскихъ людей и богатыхъ гостей московскихъ, и купцовъ иноземныхъ и людей изъ Устюга Великаго, Усолья, Вычегды и другихъ городовъ, кои отъявились въ Вологду для совѣта, какъ защищаться отъ воровъ.

Князь писалъ сѣвернымъ городамъ о готовности своей придти къ нимъ на помощь и сообщалъ о посылкѣ имъ въ Вологду рати подъ начальствомъ воеводъ Вышеславцева и Бороздина.

Грамота заканчивалась горячимъ призывомъ къ единодушной борьбѣ съ тушинцами.

Присылка рати и обѣщаніе дальнѣйшей помощи подняли духъ въ населеніи сѣверныхъ областей. Не смотря на горячее желаніе освободиться отъ «воровъ», оно отлично понимало всю трудность борьбы съ ними. Превосходныя силы тушинскаго царя легко могли усмирить отдѣльныя возставшія мѣстности и снова подчинить ихъ себѣ.

Необходима была дружная, единодушная борьба, необходимъ былъ вождь, опытный, энергичный, который съумѣлъ бы сплотить ихъ воедино и научилъ бы какъ дѣйствовать. Теперь этотъ вождь нашелся въ лицѣ князя Михаила. Недаромъ ходоки, разсказывая о немъ, передавали, что новгородцы души не чаютъ въ своемъ молодомъ воеводѣ и въ одинъ голосъ хвалятъ его разсудительность и опытность въ военномъ дѣлѣ. Недаромъ съ такой увѣренностью добавляли при этомъ: ужъ коли съумѣлъ прогнать воровъ отъ Новгорода, стало быть съумѣетъ и наши мѣста отстоять.

И закипѣла работа на сѣверѣ. Сѣверные города и уѣзды начали дѣятельно готовиться къ борьбѣ съ тушинцами, собирая для этого «посоху». Размѣры «посохи» были раз-

личны: гдѣ брали 100 человѣкъ съ большой сохи, *) гдѣ 4, 5, 10 человѣкъ съ сошки. Собиралась также и казна на содержаніе этихъ «выборныхъ» къ ратному дѣлу людей.

Центромъ въ борьбѣ сѣвера съ тушинцами сдѣлалась Вологда. Сюда князь Скопинъ-Шуйскій присылалъ свои грамоты для пересылки ихъ по другимъ городамъ сюда изъ разныхъ мѣстъ приходили за вѣстями. Въ Вологду же приносили и все то, что жертвовалось на эту борьбу—деньги, товары, мѣха...

Въ скорости была собрана и послана въ Новгородъ казна, которая была такъ необходима князю Михаилу для уплаты впередъ жалованья шведамъ, а черезъ мѣсяцъ послѣ того въ Вологду пришло извѣстіе о томъ, что шведская рать вступила, наконецъ, въ новгородскіе предѣлы

ГЛАВА XI.

Причины, объясняющія разницу въ отношеніи къ Тушинцамъ сѣвера и юга.

Не мало изумлены были тушинцы враждебнымъ отношеніемъ къ себѣ областей къ сѣверу отъ Москвы. Что бы это значило? Южныя области съ радостью подчинялись Тушинскому царю, колокольнымъ звономъ хлѣбомъ-солью встрѣчали его пословъ. А на сѣверѣ... Легко сдавшіеся было города, снова начали переходить на сторону царя Василія. Отложилась Кострома, Галичъ, не хотѣли признавать власти тушинцевъ Вологда и города къ сѣверу отъ нея.

«Мужики заворовались и крестъ цѣловали царю Василію, оттого денегъ мнѣ собирать скоро нельзя будетъ», жаловался Сапѣгѣ Суздальскій воевода. А дальше пошло еще хуже: пословъ изъ Тушина стали встрѣчать въ сѣверныхъ

*) Соха—отъ 800—1200 десятинъ.

областяхъ оглушительнымъ набатнымъ звономъ, крестьяне выходили къ нимъ съ копьями и дрекольями, кое гдѣ даже убивали ихъ, въ рѣку бросали. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхнули возстанія...

Новгородцы прогнали Кернозицкаго, а царскій воевода въ Новгородѣ, князь Скопинъ-Шуйскій послалъ на сѣверъ рать для защиты сѣверныхъ областей отъ Тушинскихъ отрядовъ. Извѣстно было тушинцамъ также и про то, что Скопинъ велъ переговоры со шведами.

Однимъ словомъ, на сѣверѣ затѣвалось что-то неладное. Это прекрасно видѣли тушинскіе вожди и съ удивленіемъ спрашивали они себя:

«Откуда же такое сопротивленіе въ сѣверномъ краѣ? Почему югъ, какъ одинъ человѣкъ, крѣпко сталъ за тушинскаго царя, а сѣверъ знать его не хочетъ?»

А происходило это потому, что сѣверныя и южныя области московскаго государства находились въ совершенно различныхъ условіяхъ.

Надъ населеніемъ южно-русскихъ областей издавна тяготѣли два главныхъ зла, которыхъ не зналъ сѣверъ, это *татары* и *помѣщики*.

Ежегодные набѣги татаръ сильно опустошали южныя окраины Московскаго государства и разоряли населеніе этихъ окраинъ. Поэтому для защиты отъ татаръ Московскіе цари принуждены были посылать на югъ военно-служилыхъ людей—бояръ и дворянъ, *испомѣщая* ихъ на землѣ, т. е. давая имъ тамъ помѣстья, на доходы съ которыхъ они должны были во 1-хъ содержать себя, во 2-хъ по первому требованію царя выставлять извѣстное количество ратныхъ людей въ полномъ вооруженіи. Такимъ образомъ, богатыя, черноземныя области юга были розданы въ частныя руки, и крестьяне, жившіе на этихъ земляхъ, попали въ зависимость

отъ помѣщика. Сверхъ обычной государевой подати, они должны были еще платить оброкъ въ пользу своего помѣщика. Эти помѣщики, старавшіеся извлечь изъ своихъ помѣстій какъ можно больше доходовъ, являлись настоящими тиранами для своихъ крестьянъ.

Съ ранняго утра и до глубокой ночи они морили ихъ на работѣ, облагая ихъ все новыми и новыми повинностями. Эти повинности всякими неправдами выбивали изъ крестьянъ помѣщичьи дворники, т. е. прикащики. Они ставили ихъ на правежъ, всячески били, истязали ихъ и тащили у нихъ со двора послѣднее имущество. Такимъ образомъ помѣщикъ, посланный на югъ для защиты отъ татаръ, самъ становился для тамошняго населенія хуже злого татарина. Не то было на сѣверѣ. Благодаря своему отдаленному положенію отъ татарскихъ кочевьевъ, сѣверъ былъ избавленъ отъ опустошительныхъ набѣговъ татаръ, а слѣдовательно онъ не нуждался для своей защиты и въ военно-служилыхъ людяхъ помѣщикахъ. Поэтому громадныя пространства земли на сѣверѣ почти не попадали въ частныя руки, а оставались въ рукахъ государства. Крестьяне, жившіе на этихъ государскихъ, дворцовыхъ земляхъ, такъ называемые государственные, черносошные крестьяне, несли только одно государево тягло, знали только одну государеву подать. Не зная надъ собой власти помѣщика, они жили на государской землѣ, какъ на своей собственной, управляясь сами собой, черезъ своихъ выборныхъ. Въ сѣверныхъ общинахъ самъ «міръ» развертывалъ между своими членами государево тягло, самъ наблюдалъ за исправностью платежа податей, самъ охранялъ порядокъ полицейскій и самъ же вѣдалъ судъ въ губернскихъ и земскихъ учрежденіяхъ. При такихъ порядкахъ, конечно, на сѣверѣ не могло быть такого произвола, какъ

на югѣ, гдѣ крестьяне находились въ полной зависимости отъ присланнаго къ нимъ помѣщика.

Правда, земля на сѣверѣ была плоха, но не она одна служила тамъ источникомъ пропитанья. Сѣверныя рѣки были богаты рыбой, а въ лѣсахъ въ изобиліи водился пушной звѣрь. Поэтому и главное занятіе жителей сѣвера составляли промыслы рыбный, пушной, соляной и торговля.

Населеніе сѣвера спокойно трудилось, будучи увѣрено, что никто не отниметъ у него плоды его трудовъ. У населенія южныхъ областей, наоборотъ, все добытое трудомъ, тащилъ или татаринъ, или помѣщикъ. Населеніе сѣвера, благодаря спокойному труду, пользовалось сравнительнымъ благосостояніемъ, а населеніе юга разорялось и постепенно дойдя до крайней степени «тощеты», начинало «бродить»,— переходило отъ одного помѣщика къ другому въ поискахъ лучшей доли и, не найдя ее, бѣжало съ помѣщичьей земли въ степи. привольныя, къ тихому Дону, въ вольныя казацкія станицы... Правительство, видя, что помѣщики оставшись безъ рабочихъ рукъ, не могли исправно нести царскую службу, всячески старалось *прикрѣпить* крестьянъ къ землѣ... а крестьянская масса, не взирая на царскіе указы, продолжала бѣжать съ господскихъ пашенъ и съ боярскихъ дворовъ, унося съ собой чувство глубокой ненависти къ тому порядку, который постепенно лишалъ ее земли и воли.

Эта разница въ условіяхъ жизни сѣверныхъ и южныхъ областей объясняла и разницу въ ихъ отношеніи къ Тушинскому вору.

Отъ царя Василья, посаженнаго на царство боярами, ничего хорошаго для себя не могла ожидать Украйна, населенная людьми бѣжавшими съ боярскихъ пашенъ и съ боярскихъ дворовъ. Захвативъ власть въ свои руки, боярское правительство прежде всего должно было позаботиться о

выгодахъ своего класса. Выгоды же бояръ, какъ крупныхъ помѣщиковъ, заключались въ томъ, чтобы окончательно закрѣпить крестьянъ на своихъ земляхъ и тѣмъ совершенно лишить ихъ свободы перехода отъ одного помѣщика къ другому. Это именно и сдѣлалъ царь Василій вскорѣ послѣ своего воцаренія, издавъ въ угоду боярамъ указъ 9-го марта 1607 года, которымъ запрещался крестьянскій выходъ, а за пріемъ бѣглаго крестьянина назначался высокій штрафъ «на царя государя».

«Неудивительно, что въ отвѣтъ на это, населеніе южно-русскихъ областей, потерпѣвъ неудачу подъ знаменами Болотникова, такъ крѣпко и единодушно стало за Тушинскаго царя. Въ немъ оно хотѣло найти *избавителя отъ царя «боярскаго»*.

Населеніе сѣверныхъ областей не нуждалось въ такомъ избавителѣ. Незнакомое съ помѣщичьей властью, оно не имѣло причинъ опасаться боярскаго правительства. Вотъ почему Тушинскій царь, дозволяющій произволъ и грабежъ, къ которому на сѣверѣ не привыкли, показался тамъ просто *грабителемъ*, какъ о томъ и заявили князю Михаилу вологодскіе ходоки. Вотъ почему *сѣверъ и сталъ не за него, а противъ него*. Во многихъ мѣстахъ движеніе противъ Вора пошло отъ «черныхъ людей», которые «начаша» собиратися подъ предводительствомъ своихъ же людей, стрѣлецкихъ сотниковъ, губныхъ старостъ и пр. Вотъ почему и все движеніе на сѣверѣ тушинскіе вожди презрительно обозвали «мужичьимъ». Эти заволжскіе и сѣверные «мужики», вологжане, бѣлозерцы, устюжане, каргопольцы, сольвычегодцы, тотмичи, двиняне, костромичи, вятчане и «иныхъ разныхъ городовъ старосты и посадскіе люди», поднявшіеся противъ Тушинскаго царя, не внушали имъ пока большихъ опасеній. Они слишкомъ вѣрили въ

свои силы и надѣялись безъ большого труда усмирить ихъ. Дальнѣйшія событія заставили однако тушинскихъ вождей серьезнѣе отнестись къ этому «мужичьему» движенію.

ГЛАВА XII.

Приходъ иноземной рати.—Первые успѣхи князя.—Побѣда надъ Тушинцами подъ Тверью.

28-го февраля 1609 года Головинъ подписалъ въ Выборгѣ условія договора со шведами, а черезъ мѣсяцъ 26-го марта, иноземная рать подъ начальствомъ шведскаго полководца Делягарди вступила въ Россію. На границѣ встрѣтилъ союзниковъ воевода Одадуровъ съ 2.300 новгородскихъ ратниковъ. Онъ указалъ имъ станъ близъ Новгорода, куда пріѣхалъ князь Михаилъ для свиданья съ иноземнымъ полководцемъ.

Оба вождя, по выраженію историка, «привѣтствовали другъ друга съ ласкою, съ уваженіемъ взаимнымъ».

Делягарди былъ молодъ, имѣлъ красивую наружность и былъ извѣстенъ своими военными подвигами. Привѣтствуя московскаго князя, онъ сказалъ, что королю шведскому извѣстны всѣ ухищренія поляковъ, что онъ прислалъ рать и готовитъ еще сильнѣйшую на помощь Россіи, желая благоденствія царю и народу русскому, а врагамъ ихъ гибели.

Князь Михаилъ, кланяясь въ отвѣтъ, опустилъ руку до земли и благодарилъ за помощь. Но памятуя наказъ своего государя, блюсти честь московскаго государства, онъ увѣрялъ иноземнаго полководца въ томъ, что Россія усердна къ царю и волнуема лишь малымъ числомъ измѣнниковъ, коихъ легко одолѣть единодушнымъ дѣйствіемъ союзниковъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій оба вождя, сѣвъ на коней, объѣхали ряды иноземной конницы и пѣхоты.

Князю Михаилу сразу бросился въ глаза порядокъ царившій въ иноземномъ войскѣ. Онъ видѣлъ, что это была прекрасно обученная рать. Но изъ кого же состояла она? Отъ Делягарди узналъ онъ, что въ войскѣ, кромѣ шведовъ, были нанятые имъ французы, англичане, шотландцы, нѣмцы и нидерландцы. Эти 5 тысячъ людей разныхъ народностей, покинувшіе свое отечество, чтобы изъза жалованья собраться подъ шведское знамя и идти сражаться, куда поведутъ, можетъ быть даже противъ сыновъ своей родины, «эти наемники безъ отечества, а можетъ быть и безъ нравственности», шли теперь спасать русскаго царя!

Сердце князя невольно сжалось при этой мысли. А Делягарди, прежде чѣмъ начать переговоры относительно военныхъ дѣйствій, настойчиво требовалъ впередъ жалованье своему войску: иначе, говорилъ онъ, это войско не двинется въ походъ.

Князь, имѣвшій въ своемъ распоряженіи казну и мѣха, присланныя ему сѣверными областями, обѣщалъ немедленно выдать 8.000 рублей, 5.000 деньгами и 3.000 соболями.

Затѣмъ приступили къ обсужденію плана дѣйствій. Время было весеннее. Грязь и разлитіе рѣкъ мѣшали походу, и Делягарди совѣтовалъ подождать просухи. Но хорошо было ждать просухи иноземному полководцу, котораго увѣряли въ томъ, что дѣла въ московскомъ государствѣ совсѣмъ ужъ не такъ плохи. Князь же Михаилъ, прекрасно знавшій, какая бѣда грозитъ Москвѣ отъ тушинцевъ, рѣшительно не хотѣлъ медлить и настойчиво убѣждалъ Делягарди выступить къ Москвѣ, не теряя времени. Делягарди принужденъ былъ уступить. И вотъ въ

апрѣлѣ мѣсяцѣ 1609 года иноземная и русская рать подъ начальствомъ шведскихъ генераловъ и русскихъ воеводъ выступила изъ Новгорода на защиту Москвы. Но такъ какъ весь путь къ Москвѣ былъ занятъ тушинцами, то союзникамъ приходилось отбивать отъ нихъ каждый свой шагъ. Воевода Чулковъ и шведскій генералъ Эвертъ Горнъ вступили въ первый на пути къ Москвѣ городъ Старую Руссу, гдѣ послѣ неудачи подъ Новгородомъ засѣлъ Кернозицкій; они выгнали оттуда поляковъ и гнали ихъ до уѣзда Торопецкаго, а 25-го апрѣля одержали надъ Кернозицкимъ полную побѣду въ селѣ Каменкахъ, взявъ у непріятеля 9 пушекъ, знамена и много плѣнниковъ. Дальше стояли города Порховъ, Торопецъ, Торжокъ, также занятые тушинцами. Тушинцы никакъ не ожидали такихъ быстрыхъ дѣйствій со стороны князя Михаила и, сосредоточивъ свои главныя силы ближе къ Москвѣ, не позаботились получше укрѣпить эти города, поэтому они безъ сопротивленія сдались союзникамъ. Однако, узнавъ о такомъ успѣхѣ князя Скопина, тушинцы немедленно же приняли рѣшительныя мѣры и выслали изъ Тушина навстрѣчу союзнымъ войскамъ четырехтысячную рать подъ начальствомъ Зборовскаго. Цѣлью ихъ было—преградить союзникамъ путь къ Москвѣ.

Но это намѣреніе тушинцевъ не остановило князя Михаила. Онъ горѣлъ желаніемъ поскорѣй придти на выручку столицѣ; къ тому же и царь Василій торопилъ его.

«И тебѣ бы, боярину нашему, никакъ своимъ походомъ не мѣшкать, намъ и всему нашему государству помощь отъ воровъ подать вскорѣ», писалъ Василій Шуйскій своему племяннику, такъ оканчивая свою грамоту: «а мы на тебя надежны, какъ на свою душу».

И побуждаемый этой грамотой, князь Скопинъ 10-го мая

самъ выступилъ изъ Новгорода съ 2.000 новгородскихъ ратниковъ. Въ Торжкѣ 24-го іюня къ нему подоспѣло на помощь трехтысячное войско, состоящее изъ дѣтей боярскихъ и крестьянъ смоленскихъ уѣздовъ подъ начальствомъ воеводы, князя Барятинскаго. Союзники встрѣтились съ войскомъ Зборовскаго подъ Тверью. Въ Твери же засѣлъ и Кернозицкій послѣ своего пораженія въ Каменкахъ, кромѣ того на помощь Зборовскому и Кернозицкому подошли еше новыя подкрѣпленія изъ тушинскаго лагеря. Тверь, находящаяся почти на полпути между Новгородомъ и Москвою, сдѣлалась такимъ образомъ мѣстомъ, гдѣ произошло первое большое сраженіе между ратью князя Михаила и тушинцами. Это было въ іюлѣ 1609 года; ожесточенная битва длилась почти два дня. Блистала молнія, раздавались оглушительные удары грома, лилъ проливной дождь, а кровавая сѣча ни на минуту не прекращалась. Прекрасно обученная польская конница тушинскаго царя не уступала въ храбрости иноземному войску Делягарди, а русская рать князя Михаила встрѣтилась съ отчаяннымъ сопротивленіемъ русскихъ приверженцевъ тушинскаго царя, среди которыхъ особеннымъ ожесточеніемъ въ битвѣ отличались донскіе и запорожскіе казаки. Наконецъ, и буря стихла. Іюльское солнце бросило на землю свои яркіе лучи и, освѣтивъ груды изрубленныхъ тѣлъ, тепломъ и свѣтомъ пахнуло въ лица сражающихся. Вся природа, напоенная живительной влагой, призывала къ жизни, а враги продолжали безжалостно наносить другъ другу смертоносные удары. Битва подъ Тверью кончилась полнымъ пораженіемъ тушинцевъ. Они принуждены были бѣжать изъ города, а раненый Зборовскій едва спасся отъ плѣна. Съ громкими радостными криками, съ развѣвающимися знаменами вошли въ Тверь союзники.

Это была первая серьезная побѣда Скопина надъ тушинцами. Въ порывѣ искренняго чувства признательности онъ обнялъ Делягарди, благодаря его за мужество его воиновъ. Теперь онъ вѣрилъ въ успѣхъ... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ ему не удалось очистить отъ тушинцевъ всѣ мѣста отъ новгородскихъ до московскихъ предѣловъ? Развѣ не побѣдоносно прошелъ онъ по пути? И самыя радужныя надежды окрыляли благородную душу молодого князя, онъ уже видѣлъ себя спасителемъ родины...

ГЛАВА XIII.

Тушинскій лагерь. Совѣтъ тушинскихъ вождей.

Тотъ, кто видѣлъ село Тушино въ маѣ 1608 года, не узналъ бы его, попавъ туда въ іюлѣ 1609 года, такъ оно измѣнилось за какой нибудь годъ, прошедшій со дня занятія его самозванцемъ.

Увидавъ, что Москвой не овладѣешь сразу, самозванецъ рѣшилъ сдѣлать изъ Тушина свою временную стоянку; для этого онъ окружилъ его высокимъ валомъ, окопалъ глубокимъ рвомъ, и придалъ ему, такимъ образомъ, видъ укрѣпленнаго лагеря.

Рядомъ съ мужицкими избами быстро выросли нарядные хоромы польскихъ и русскихъ слугъ самозванца, открылись лавки со всевозможными товарами, выстроились торговые ряды...

Словомъ, Тушино превратилось въ настоящую столицу самозваннаго царя. Въ этой столицѣ имѣлся даже и свой патріархъ. Это былъ ростовскій митрополитъ Филаретъ, взятый въ плѣнъ тушинцами, разграбившими Ростовъ и нареченный патріархомъ по приказу самозванца.

Шумно и людно было въ Тушинскомъ станѣ. Ясновельможные паны въ богатыхъ одеждахъ, нарядные польскіе гусары въ шишакахъ и кольчугахъ съ длинными копьями въ рукахъ, запорожскіе казаки въ непомѣрно высокихъ шапкахъ, въ красныхъ шароварахъ, вооруженные самопалами и копьями, московскіе бояре, измѣнившіе царю Василію, пѣшіе и конные воины, русскіе и польскіе, украинные дворяне, дѣти боярскіе, всякіе торговые люди, разная челядь— все это съ ранняго утра и до глубокой ночи шло, ѣхало, кричало, пѣло и ругалось на разныхъ нарѣчіяхъ...

Въ Тушино спѣшили гонцы съ вѣстями о новыхъ побѣдахъ самозванца. Въ Тушино съ разныхъ мѣстъ въ изобиліи везли съѣстные припасы, вино и дорогое оружіе. Въ Тушинѣ сладко ѣли, много пили, тамъ пировали и веселились, ожидая, когда столица царя Василія, измученная голодомъ, отворитъ, наконецъ, ворота тушинскому царю.

И вотъ среди этого безпечальнаго житья, среди побѣдъ и радужныхъ ожиданій, тревожно прозвучала вѣсть о пораженіи тушинскаго войска подъ Тверью. Проигравшій битву Зборовскій, разсказывая о необычайной отвагѣ воеводы Скопина-Шуйскаго и о превосходныхъ силахъ шведовъ, совѣтовалъ немедленно принять рѣшительныя мѣры. И напуганный имъ, тушинскій царь, по совѣту гетмана Рожинскаго, послалъ гонцовъ къ лучшимъ своимъ вождямъ: Сапѣгѣ, осаждавшему Троице Сергіевскую лавру и Лисовскому, посланному для усмиренія возставшихъ областей за Волгой, съ приказомъ немедленно явиться въ Тушино для совѣта.

Знаменитые вожди явились въ Тушино тоже не съ радостными вѣстями: вотъ уже десять мѣсяцевъ осаждало войско Сапѣги Троице-Сергіевскій монастырь, а монахи и не думали сдаваться!

Дѣла Лисовскаго были совсѣмъ неважны: всѣ его по-

пытки выбить «мужиковъ» изъ Костромы и Ярославля кончились ничѣмъ. Слишкомъ поторопились тушинцы выказать свое презрѣніе къ «мужичьему движенію». Кострома и Ярославль были отбиты у нихъ какъ разъ этими самыми «мужицкими» дружинами, собранными въ Вологодскихъ и Устюжскихъ мѣстахъ. Потеря Костромы и богатаго Ярославля для тушинцевъ была равносильна утратѣ всего Заволжья. Эти города, кромѣ того, закрывали имъ путь и въ богатыя сѣверныя области.

Лисовскій, передавая о своей неудачѣ, не могъ не признать, что въ движеніи заволжскихъ мужиковъ видно опытное руководительство и что это руководительство шло, повидимому, отъ царскаго воеводы Скопина-Шуйскаго, съ которымъ дѣятельно сносились заволжскія и сѣверныя мѣста.

Словомъ, въ Тушинѣ призадумались.

Въ хоромахъ, украшенныхъ на полурусскій, полупольскій ладъ, въ горницѣ, стѣны которой были увѣшаны дорогимъ польскимъ оружіемъ, собрались вожди Тушинскаго царя, чтобы сообща рѣшить, что дѣлать.

Въ длинной одеждѣ, расшитой золотомъ, какую обыкновенно носили русскіе цари, въ бархатной шапкѣ, опушенной соболемъ, словно сейчасъ готовый занять московскій престолъ, сидѣлъ, окруженный своими польскими и русскими слугами, тотъ, кто принялъ имя царя Дмитрія.

Правда, съ царемъ Дмитріемъ у него не было ни малѣйшаго сходства.

Человѣкъ, одиннадцать мѣсяцевъ занимавшій московскій престолъ подъ именемъ царя Дмитрія, былъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, волосы имѣлъ рыжеватые, глаза голубые, лицо скорѣй круглое съ большой бородавкой на лѣвой щекѣ.

Человѣкъ, назвавшій себя его именемъ, былъ, напротивъ,

высокъ, сухощавъ, волосы имѣлъ черные, прямые, глаза каріе съ оттѣнкомъ нѣкотораго лукавства, лицо продолговатое, безъ бородавки.

Украйна, конечно, отлично помнила перваго Самозванца и нисколько не обманывалась относительно наружности втораго—несходство било въ глаза. Но это рѣшительно никого не смущало. Въ самомъ дѣлѣ, кому какое дѣло было до того, настоящій или не настоящій это былъ царь Дмитрій. Возставшимъ противъ боярскаго правительства онъ нуженъ былъ лишь для того, чтобы его именемъ свергнуть боярскаго царя.

Кто бы ни убѣдилъ перваго Самозванца въ томъ, что онъ сынъ Грознаго, но онъ твердо вѣрилъ въ свое царское происхожденіе. Эта вѣра дѣлала его беззавѣтно смѣлымъ, отважнымъ, что внушало невольное уваженіе къ его личности.

Второй Самозванецъ совсѣмъ не вѣрилъ въ свое царское происхожденіе. Тѣ, кому понадобился царь Дмитрій, схватили его на площади въ городѣ Стародубѣ, куда онъ бѣжалъ изъ Пропойской тюрьмы, въ которой сидѣлъ за какія-то темныя дѣянія. И здѣсь подъ угрозой побоевъ и пытокъ его заставили объявить себя царемъ Дмитріемъ.

Этотъ сознательный обманъ, хотя бы и подъ угрозой казни, сообщалъ всѣмъ поступкамъ втораго Самозванца характеръ неувѣренности, нерѣшительности, а отношеніямъ къ нему окружающихъ придавалъ оттѣнокъ неуваженія. Каждымъ взглядомъ его подданные какъ бы говорили ему: захотѣли, объявили царемъ, захотимъ, разжалуемъ и другого найдемъ. А поляки, тѣ совсѣмъ не скрывали своего пренебреженія къ этому царю, вышедшему на поиски за царствомъ изъ Пропойской тюрьмы. Но ихъ—Самозванца и поляковъ—связывали взаимныя выгоды. Самозванецъ зналъ,

что безъ этихъ опытныхъ вождей и безъ ихъ войска, онъ врядъ ли могъ бы разсчитывать на успѣхъ; а поляки знали, что въ награду за свою помощь, они, въ случаѣ успѣха, займутъ первыя мѣста въ московскомъ государствѣ и будутъ держать въ рукахъ самозваннаго царя.

На совѣтѣ первымъ заговорилъ Самозванецъ.

Онъ горько упрекалъ своихъ вождей въ томъ, что они съ лучшими военными силами разошлись по разнымъ мѣстамъ и оставили его въ Тушинѣ съ малымъ числомъ войска.

«Мы не разъ уже писали вамъ,—обратился онъ къ сидѣвшему противъ него Сапѣгѣ,—что не должно терять времени за курятниками, которые безъ труда будутъ въ нашихъ рукахъ, когда Богъ увѣнчаетъ наше дѣло» ..

При этихъ словахъ Самозванца по умному, самоувѣренному лицу польскаго вождя пробѣжала легкая усмѣшка. Слегка сощуривъ свои темные глаза, онъ поглядѣлъ на Рожинскаго, который сидѣлъ по правую руку отъ Самозванца.

Сапѣга отлично зналъ, что Самозванецъ всегда говорилъ только то, что ему внушалъ гетманъ Рожинскій, поэтому, отвѣчая, онъ обращался исключительно къ Рожинскому:

«Хорошъ курятникъ, если мы десять мѣсяцевъ никакъ не можемъ одолѣть его,—сказалъ онъ,—не хотятъ знать троицкіе монахи царя Дмитрія Ивановича»...

Послѣднія слова Сапѣга произнесъ, бросая насмѣшливый взглядъ на Самозванца.

Но Самозванецъ, привыкшій къ такому обращенью, какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ свои упреки.

Кабы не увели они всѣ войска изъ главнаго стана, не случилось бы того, что произошло подъ Тверью.

«А то непріятель вошелъ въ Тверь почти на плечахъ нашего войска»...

Зборовскій вспыхнулъ, почувствовавъ въ этихъ словахъ укоръ себѣ.

«Бились, государь, не жалѣя силъ,—обидчиво замѣтилъ онъ,—а только слѣдовало бы вамъ помощь намъ прислать»...

Но Самозванецъ, не обративъ вниманія на замѣчанія Зборовскаго, поднявшись съ своего мѣста, вдругъ вскричалъ не то гнѣвно, не то жалобно:

«Всѣмъ нашимъ вождямъ слѣдовало бы понять, что счастье перемѣнилось къ намъ. Мужики силу взяли, у мужиковъ вождь объявился! А потому мы убѣдительно просимъ васъ бросить всѣ ваши дѣла и спѣшить какъ можно скорѣе со всѣми войсками вашими къ нашему главному стану, въ Тушино, дабы не дать мужичьему вождю овладѣть имъ»...

Въ голосѣ Тушинскаго царя прозвучалъ нескрываемый страхъ.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь раздалось сразу нѣсколько голосовъ, и между польскими вождями Самозванца возникъ горячій споръ.

Самозванца поддерживали Рожинскій и Зборовскій, рисуя безвыходное положеніе оставшагося съ малымъ войскомъ Тушина, въ случаѣ прихода мужичьяго вождя, какъ называли они воеводу Скопина-Шуйскаго.

Сапѣга и Лисовскій возражали имъ.

Сапѣгѣ, прославившемуся своими побѣдами, самолюбіе не позволяло уйти отъ Троицкаго монастыря ни съ чѣмъ, а Лисовскій былъ искренно убѣжденъ, что завоеваніе Заволжья и сѣверныхъ мѣстъ гораздо важнѣе для Самозванца, чѣмъ сохраненіе Тушина.

Въ этомъ спорѣ польскіе вожди не обращали на Самозванца ровно никакого вниманія, какъ будто дѣло шло совсѣмъ не о немъ и не объ его успѣхахъ.

Русскіе князья и бояре, отъѣхавшіе отъ царя Василья въ Тушино и молчаливо присутствовавшіе на этомъ совѣтѣ, съ великимъ смущеніемъ глядѣли на такое пренебрежительное отношеніе польскихъ вождей къ Тушинскому царю. Еще съ большимъ сокрушеніемъ видѣли они, какую власть забрали надъ нимъ поляки. Это обѣщало имъ мало хорошаго. Въ случаѣ успѣха Самозванца, имъ, русскимъ князьямъ и боярамъ, пришлось бы смотрѣть изъ ихъ рукъ. И многіе изъ нихъ уже сожалѣли, что измѣнили царю Василью, а теперь, зная о побѣдахъ Скопина, готовы были вернуться къ нему съ повинной.

Послѣ продолжительнаго спора обѣ стороны пришли, наконецъ, къ соглашенію. Сапѣга и Лисовскій уступили доводамъ Рожинскаго, и, такимъ образомъ, рѣшено было стянуть всѣ войска къ Тушину.

Но въ это самое время въ дѣлахъ князя Скопина-Шуйскаго произошла перемѣна, которая остановила его побѣдоносное шествіе къ Москвѣ, и тушинскіе вожди замедлили исполненіе своего рѣшенія.

ГЛАВА XIV.

Князь Михаилъ въ Городнѣ.—Бунтъ въ шведскомъ войскѣ.—Отступленіе князя къ Колязину монастырю.

Такъ ужъ видно всегда бываетъ въ жизни! Слѣдомъ за успѣхомъ идутъ неудачи, и свѣтлыя надежды смѣняетъ горечь разочарованія!

Послѣ побѣды подъ Тверью князь Михаилъ, ничего не подозрѣвая, оставилъ шведскую рать позади себя, а самъ двинулся дальше и остановился въ Городнѣ, небольшомъ городкѣ на берегу Волги въ 130 верстахъ отъ Москвы, чтобы дать отдохнуть своимъ ратникамъ.

Недаромъ Лисовскій указывалъ въ Тушинѣ на опытное руководительство въ движеніи сѣверныхъ и заволжскихъ «мужиковъ». Князь Михаилъ дѣйствительно руководилъ всѣми военными дѣйствіями на сѣверѣ и въ Заволжьѣ, сносясь съ Вологдой грамотами, указывая въ нихъ, какіе города больше другихъ нуждались въ помощи, гдѣ слѣдовало наиболѣе сосредоточить силы. Это подъ его руководствомъ заволжскія мѣста начали такъ успѣшно очищаться отъ «воровъ». И теперь въ Городнѣ, отписывая сѣвернымъ городамъ про свою побѣду подъ Тверью, онъ ободрялъ ихъ и, давая новые совѣты и указанія, выражалъ твердую увѣренность въ успѣхѣ дѣла.

За этимъ занятіемъ его засталъ воевода Одадуровъ, совершенно неожиданно прискакавшій изъ Твери. По встревоженному лицу воеводы князь Михаилъ понялъ, что пріѣхалъ онъ не съ радостной вѣстью.

Что и говорить, вѣсть была нерадостная!

«Ушли, князь, шведы изъ Твери. Не за тобой пошли, а повернули назадъ къ Новгороду,—сообщилъ воевода.

Князь поблѣднѣлъ.

«Зачѣмъ ушли?—спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

«А затѣмъ, что взбунтовались! Жалованье, говорятъ, обѣщали имъ отдать за четыре мѣсяца, а отдали только за два. Корелу по договору давно уже слѣдовало отдать шведамъ, а русскіе до сихъ поръ не очищаютъ ее... обманулъ де ты ихъ, князь!..»

Князь вспыхнулъ при послѣднихъ словахъ воеводы.

Одадуровъ остановился, не рѣшаясь продолжать.

«Говори, воевода, все говори, что отъ нѣмцевъ слышалъ,—приказалъ князь.

«Не гнѣвайся, князь, мало-ль чего болтали басурмане. Сказалъ де ты имъ, будто вся земля русская усердна къ

царю и волнуема только малымъ числомъ измѣнниковъ, коихъ легко одолѣть. Ну, а вышло не то... вѣрныхъ-то людей у царя Василья малое число, а измѣнниками вся Русь полна, не шуточное дѣло ихъ одолѣть... Говорятъ, совсѣмъ измучились подъ Тверью. Не пойдемъ, говорятъ, дальше на вѣрную гибель, да и вѣроломство московскаго народа всѣмъ извѣстно, обманутъ и жалованья не заплатятъ! Такъ на томъ и стали... побросали знамена и пошли назадъ»...

Хмурились брови князя Михаила, судорожно сжималъ онъ въ рукѣ только что написанную къ сѣвернымъ городамъ грамоту, полную самыхъ свѣтлыхъ надеждъ.

«А Делягарди? Еще въ Твери онъ клялся въ преданности! Измѣнникъ!»

Но Одадуровъ остановилъ князя.

«Не вини Делягарди, князь, онъ уговаривалъ мятежниковъ, грозилъ имъ. Только самъ знаешь, рать его сборная, разноязычная... И слушать не стали, какъ онъ имъ про обѣщанье царю Василью заговорилъ. И вправду, что имъ царь Василій, что имъ Москва, коли отъ своей родины отбились! Изъ-за одной корысти пошли... Вотъ кабы все жалованье немедля имъ выдать, тогда бы воротились»...

«Казны нѣтъ, воевода,—сказалъ князь,—все, что сѣверныя области прислали, все имъ отдали, пустое дѣло осталось».

Глубокой скорбью дышали слова князя Михаила. Вѣсть объ измѣнѣ иноземнаго войска страшно поразила его.

И нашли когда измѣнить! Когда уже больше половины пути пройдено, когда счастье явно переходитъ на сторону царя Василья, когда заволжскія и сѣверныя мѣста почти очистились отъ воровъ, когда Москва уже близко и остается сдѣлать одинъ рѣшительный натискъ, чтобы спа-

сти родину... а они ушли, покинули его! Да развѣ тушинцы, свѣдавъ про это, не воспользуются измѣной шведовъ, чтобы двинуть свои силы противъ него, князя, оставшагося теперь лишь съ горстью необученныхъ ратниковъ. Да нѣтъ, этого не должно быть! Изъ-за нѣсколькихъ тысячъ рублей, изъ-за Корелы погубить всѣ успѣхи, сдѣланные за два мѣсяца...

Князь словно встряхнулся.

«Слушай, воевода,—быстро заговорилъ онъ, положивъ Одадурову на плечо руку,—сослужи службу... бери любого коня, гони назадъ, догоняй шведовъ»...

Разговоръ происходилъ въ передней горницѣ небольшихъ хоромъ городнянскаго воеводы, у котораго остановился князь Михаилъ.

«Иди за мной, воевода». И съ этими словами князь поспѣшно прошелъ въ сосѣдній покой. Тучный воевода едва поспѣвалъ за нимъ. Пройдя два покоя, они вошли въ всѣмъ маленькую горенку съ крошечнымъ оконцемъ, единственное убранство которой составляли образъ Спасителя въ переднемъ углу, лавка у стѣны, да небольшой кованый желѣзомъ сундучокъ, стоявшій подъ лавкой.

Князь быстро выдвинулъ сундукъ и, вынувъ изъ-за пояса ключъ, два раза щелкнулъ имъ въ замкѣ. Крышка поднялась, и на днѣ сундука воевода увидалъ двѣ кожаныя сумки, одну большую, другую поменьше. Князь досталъ сперва большую и подавая ее Одадурову, сказалъ:

«Возьми, воевода, здѣсь все серебро, что осталось отъ казны присланной съ сѣвера, а вотъ и моя собственная казна»...

И съ послѣдними словами онъ протянулъ воеводѣ сумку поменьше.

«Все отдай шведамъ, скажи имъ, у князя Скопина

скоро будетъ много казны, всю отдамъ имъ. А въ Корелу нынче же пошлю гонца съ приказомъ, чтобы очистили городъ... Да бери же, воевода,—настойчиво повторилъ князь, видя, что Одадуровъ какъ будто не рѣшается взять сумку съ казной князя,—бери,—ничего не надо жалѣть для спасенія родины».

«Ну, тогда... тогда и у меня найдется кое-что,—вдругъ сказалъ воевода, поспѣшно вытаскивая изъ-за пазухи небольшую сумку и присоединяя ее къ двумъ другимъ.

Какъ ни былъ опечаленъ князь неожиданной вѣстью, однако при видѣ этого добровольнаго пожертвованія онъ невольно улыбнулся.

«Видишь, воевода,—сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ,—коли поискать, такъ и казна найдется! Обнадежь шведовъ... А теперь иди! Спѣши догнать ихъ. Верни иноземную рать, вѣкъ не забуду твоей службы... прости!»

Князь обнялъ и поцѣловалъ на прощанье воеводу.

Легко было сказать — найдется казна, а гдѣ было взять ее?

И, проводивъ Одадурова, князь подошелъ къ столу, гдѣ лежали полученныя имъ въ разное время грамоты отъ сѣверныхъ городовъ. Взявъ одну изъ нихъ, онъ долго и со вниманіемъ читалъ ее.

Что и говорить, нелегко доставались «мужикамъ» ихъ побѣды надъ тушинцами. Очищеніе Заволжья отъ воровъ требовало большихъ жертвъ отъ населенія сѣверныхъ и заволжскихъ мѣстъ. Грамота изъ Устюга Великаго, которую теперь перечитывалъ князь, какъ разъ указывала на это страшное напряженіе народныхъ силъ на сѣверѣ. Самъ Устюгъ съ уѣздами пять разъ уже собиралъ посоху и, отправивъ въ апрѣлѣ подъ Ярославль свою пятую рать—пятьсотъ человѣкъ,—въ іюнѣ уже собиралъ шестую.

«А теперь въ устюжскихъ уѣздахъ, годныхъ къ бою людей больше не осталось,—такъ заканчивалась грамота,—а съ податныхъ сохъ на содержаніе ратниковъ больше взять нечего». До такого же изнеможенія дошли и галицкіе мужики, у которыхъ «много людей было побито въ бояхъ» и много казны взято на содержаніе ратниковъ.

Могъ ли князь еще разъ обратиться съ просьбой о присылкѣ казны къ городамъ, уже истощеннымъ борьбою съ «ворами»? Послѣ долгаго раздумья, онъ рѣшился наконецъ написать грамоту къ жителямъ Перми Великой. Пермь принимала мало участія въ общемъ дѣлѣ освобожденія отъ «воровъ» и силы ея еще не были исчерпаны. Грамота гласила: «Иноземцамъ, наемнымъ людямъ найму дать нечего, въ государевой казнѣ денегъ мало; извѣстно вамъ самимъ, что государь въ Москвѣ отъ враговъ сидитъ въ осадѣ больше году; что было казны, и та роздана ратнымъ людямъ, которые сидѣли съ государемъ въ Москвѣ. И вамъ бы говорить гостямъ и торговымъ лучшимъ и середнимъ, и всякимъ людямъ, чтобы они для покоя и христіанской избавы, чтобы Московское государство за наемными деньгами до конца не разорилось, дали на наемъ ратнымъ людямъ денегъ, суконъ, камокъ, тафты, сколько кому можно; а какъ дастъ Богъ, отъ воровъ и отъ литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ, то государь велитъ тѣ деньги заплатить»...

Отправивъ грамоту, князь приказалъ своимъ ратникамъ собираться въ путь. Не дерзая съ малыми силами идти впередъ, онъ отступилъ влѣво по теченію Волги къ Колязину монастырю, куда влекла его близость къ богатому и многолюдному Ярославлю, который, отстоявшись отъ воровъ, могъ, въ случаѣ надобности, помочь ему...

ГЛАВА XV.

Князь въ Колязинѣ монастырѣ. Свидѣтельство Авраамія Палицына о состояніи московскаго государства въ смутное время. Радостныя вѣсти съ сѣвера. Возвращеніе шведской рати. Дальнѣйшее движеніе къ Москвѣ.

Уже третью недѣлю живетъ князь Михаилъ въ тихой уединенной кельѣ Колязина монастыря, расположивъ свой отрядъ за монастырскими стѣнами. Уныло звонятъ церковные колокола, призывающіе братію къ молитвѣ, и чудится князю, будто подъ этотъ заунывный звонъ хоронитъ онъ свои надежды на спасеніе родины.

Сѣверъ не слалъ вѣстей. Отъ шведовъ не было никакого слуху. Тревожныя грамоты шли изъ Москвы: царь заклиналъ князя спѣшить къ Москвѣ, потому что голодъ, измѣны и постоянные бунты держатъ въ страхѣ всю столицу. А со стороны тушинцевъ надвигалась гроза.

Узнавъ про уходъ шведовъ, тушинскіе вожди измѣнили свое рѣшеніе: не стягивая всѣхъ своихъ войскъ къ Тушину, они тѣмъ не менѣе собрали значительную рать и двинули ее подъ Колязинъ монастырь съ тѣмъ, чтобы разбить воеводу Скопина-Шуйскаго.

Положеніе князя Михаила было отчаянное. Со своимъ небольшимъ отрядомъ онъ не смѣлъ выступить навстрѣчу тушинцамъ и каждый день со страхомъ ожидалъ появленія ихъ подъ стѣнами монастыря. Въ случаѣ битвы, онъ, конечно, не могъ разсчитывать на побѣду. Одинъ, въ полной неизвѣстности относительно отвѣта шведовъ, онъ переживалъ тревожные дни и снова, какъ тогда въ Новгородѣ, передъ нимъ рисовались тѣ ужасы, какіе ожидали русскую землю въ случаѣ побѣды тушинцевъ. За время военныхъ

дѣйствій онъ достаточно наглядѣлся на ихъ безчинства, на ихъ звѣрства и насилія.

Если поляки донимали русскихъ своими поборами, то русскіе приверженцы тушинскаго царя, въ особенности казаки, приводили въ отчаяніе мирныхъ жителей своею жестокостью и неистовствами. Поляки не свирѣпствовали такъ, какъ русскіе тушинцы. Они явились въ московское государство за добычей, да за веселой жизнью, а для этого имъ нужны были только деньги. Крови полякамъ было не нужно. Имъ хотѣлось лишь весело пожить и попировать на чужой счетъ. Въ случаѣ же неудачи они вернулись бы домой, равно ничего не теряя черезъ эту неудачу. Положеніе русскихъ тушинцевъ было совсѣмъ иное. Присягая тушинскому царю и пріобрѣтая черезъ то извѣстное значеніе и выгоды, русскіе тушинцы теряли все это въ случаѣ побѣды царя Василья. Понятно, съ какой ненавистью они должны были смотрѣть на тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые стояли за Шуйскаго. Они видѣли въ нихъ своихъ заклятыхъ враговъ, которые могли лишить ихъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ ими отъ Тушинскаго царя. Неудивительно поэтому читать въ современныхъ извѣстіяхъ жалобы на то, что въ описываемое время *свои* терзали русскую землю гораздо больше, чѣмъ *чужіе*. Когда поляки брали въ плѣнъ приверженца царя Василья, они обходились съ нимъ милостиво, сохраняли ему жизнь. Когда же приверженцы Шуйскаго попадались въ плѣнъ русскимъ тушинцамъ, то были немедленно умерщвляемы самымъ звѣрскимъ образомъ. «Ихъ метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ. Въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни»... Такъ повѣствуетъ объ этой жестокости русскихъ тушин-

цевъ келарь Троице-Сергіевской лавры, Авраамій Палицынъ. ...«И видя сію неслыханную злобу,—продолжаетъ онъ далѣе,—ляхи содрогались и говорили: что же будетъ намъ отъ россіанъ, когда они другъ друга губятъ съ такой лютостью?»

«Въ это ужасное время,—говоритъ тотъ же Авраамій Палицынъ,—жилища человѣческія превратились въ логовища звѣрей... Медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ человѣческихъ; малыя птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы, какъ горы, вездѣ возвышались. Граждане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ невѣдомыхъ или въ болотахъ, только ночью выходя изъ нихъ осушиться. И лѣса не спасали: люди, уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь въ густотѣ древесной, страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи: ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою, домы и все, да будетъ Россія пустынею необитаемою»...

Такъ говорилъ современникъ, проникнутый ужасомъ передъ совершающимися дѣлами. Но Россіи не суждено было остаться «необитаемою пустынею».

Почти одновременно князь Михаилъ получилъ вѣсти и отъ сѣверныхъ городовъ, и отъ воеводы Одадурова: шведское войско послѣ долгихъ уговоровъ соглашалось вернуться въ томъ случаѣ, если ему будетъ уплочено жалованье, а сѣверныя и заволжскія мѣста окончательно освободились отъ тушинцевъ и высылали князю свои рати, которыя имъ теперь были уже не нужны.

Вѣсти съ сѣвера принесъ князю самъ дьякъ Андрей Телепневъ, явившійся въ Колязинъ монастырь вмѣстѣ съ тѣми

вологодскими людьми, которые въ качествѣ ходоковъ были у князя въ Новгородѣ. Съ ними пришло нѣсколько человѣкъ изъ Устюга Великаго и изъ другихъ сѣверныхъ городовъ.

«Не чаяли, князь, и добраться до тебя,— говорилъ старый вологжанинъ, низко кланяясь князю.—Челомъ бьютъ тебѣ Вологда и Устюгъ Великій, и Вычегда, и Усолье, и другіе города, и всѣ люди посадскіе, и міръ крестьянскій! Подмогой твоей, да совѣтомъ и руководительствомъ отстояли мы наши мѣста отъ воровъ. А теперь къ тебѣ на помощь идемъ, потому слово наше крѣпко! Какъ сказали, помоги сперва намъ самимъ отъ воровъ отстояться, а тамъ и Москву защищать придемъ, такъ и сдѣлали: слѣдомъ за нами большая рать идетъ, изъ послѣднихъ силъ собирали! Въ иныхъ мѣстахъ больше и взять некого, старый да малый, да бабы остались.. А вотъ и казну получай на жалованье ратнымъ людямъ!»

Андрей Телепневъ съ помощью вологодскихъ людей раскладывалъ передъ княземъ туго набитые серебромъ кожаные мѣшки, вынималъ изъ ящиковъ, кои одинъ за другимъ вносили въ горницу слуги, разные предметы: ковши, блюда вызолоченныя, дорогіе мѣха.

«Вотъ казна отъ вологодскихъ купцовъ, вотъ мѣха отъ устюжскихъ людей, это серебро отъ купца Строганова, это Соловецкій монастырь шлетъ, тутъ, почитай, тысячъ на десять серебра»...

Андрей Телепневъ подробно разсказывалъ, отъ кого сколько и какіе предметы получены.

«А это ложка серебряная, тоже соловецкіе монахи посылаютъ, сказывали, пригодится и она»...

Князь не былъ корыстолюбивъ, однако, при видѣ такой

богатой казны глаза его радостью заблестѣли: вѣдь эта казна должна была пойти на спасеніе родины!

«Спасибо вамъ, люди вологодскіе, горячо сказалъ онъ, спасибо всѣмъ, кто въ тяжкую годину идетъ на помощь родинѣ, царь Василій заплатитъ сторицею».

Много разсказывалъ князю дьякъ Телепневъ про то, какъ единодушно поднялся сѣверъ, узнавъ объ уходѣ шведовъ. Пусть уходитъ иноземная рать, говорили и въ городахъ и въ посадахъ, нешто мы не найдемъ своихъ людей для защиты Москвы! И тутъ же принялись собирать и ратниковъ и казну.

Хвалилъ Телепневъ и порядки на сѣверѣ. «Тяготы народу тамъ нѣтъ, утѣсненія нѣтъ никакого. За такіе порядки и постоять можно!» говорилъ онъ.

Такъ сѣверъ, довольный своими порядками, единодушно поднимался на защиту представителя этихъ порядковъ, царя Василія. Такъ сѣверные «мужики» напрягали свои послѣднія силы, чтобы оказать московскому царю помощь въ его борьбѣ съ Тушинскимъ царемъ, царемъ прежде погибшей Украйны и степей казацкихъ!...

Нечего говорить о томъ, что князь Михаилъ немедленно же отправилъ пословъ къ Делягарди, вручивъ имъ 6000 р. деньгами и 5000 р. соболями для раздачи шведскому войску, а 16 сентября союзники уже стояли подъ стѣнами Колязина монастыря.

Теперь князя, богатаго казною и ратными силами, не страшила больше встрѣча съ тушинскимъ войскомъ. Выступивъ изъ Колязина монастыря 26 сентября, онъ разбилъ тушинцевъ и снова двинулся къ Москвѣ, продолжая выбивать ихъ изъ занятыхъ ими позицій. Прекрасно обученное ратному дѣлу шведское войско вносило въ борьбу съ «во-

рами» много выдержки, а сѣверныя рати—много горячаго воодушевленія.

Въ октябрѣ 1609 года князь Михаилъ подходилъ уже къ Александровской Слободѣ, откуда тушинцы были вытѣснены его передовымъ отрядомъ.

ГЛАВА XVI.

Князь Скопинъ въ Александровской Слободѣ.—Рязанскій воевода Ляпуновъ предлагаетъ Скопину царскій вѣнецъ.—Князь съ негодованіемъ отвергаетъ это предложеніе.—Появленіе въ русскихъ предѣлахъ короля польскаго Сигизмунда.

Холодные дождливые дни. На дворѣ глубокая осень. Печально смотрятся обнаженныя ивы въ большіе заросшіе тиной пруды Александровской Слободы. Здѣсь все еще напоминало времена Грознаго царя: и дворецъ причудливой постройки, и богато разукрашенные храмы, и глубокіе рвы, и высокія стѣны, за которыми подозрительный, больной царь искалъ безопаснаго убѣжища отъ своихъ подданныхъ. Все было полно здѣсь воспоминаніями о страшныхъ временахъ опричнины съ ея казнями и пытками, стонами и воплями неповинныхъ людей.

Запустѣвшая по смерти Грознаго, Александровская Слобода теперь снова ожила. Всѣ постройки, даже самый дворецъ заняты ратными людьми. Съ утра до ночи раздается бряцанье оружія, слышится русская и иноземная рѣчь.. Здѣсь остановился князь Михаилъ для того, чтобы сперва очистить себѣ отъ непріятелей путь къ Москвѣ. Для этого онъ высылалъ изъ Слободы военные отряды по всѣмъ направленіямъ, стараясь выбить тушинцевъ изъ всѣхъ занятыхъ ими мѣстъ. Боясь оставить въ тылу у себя врага, онъ приказывалъ ставить по дорогѣ къ Москвѣ острожки

и сажалъ въ нихъ гарнизоны, которые и держали данный путь въ своемъ распоряженіи. И въ то же время князь дѣятельно готовился къ рѣшительной битвѣ съ тушинцами, обучая сѣверныя рати пріемамъ регулярнаго боя. Новыя дружины шли къ нему изъ Ярославля; изъ Владиміра пришелъ воевода Шереметевъ съ войскомъ, отъ шведскаго короля ждали новыхъ подкрѣпленій. Князь располагалъ уже 18-ти тысячнымъ войскомъ, и это войско продолжало пополняться новыми отрядами съ сѣвера.

Съ каждымъ днемъ становилось оживленнѣе, шумнѣе въ Александровской Слободѣ. По выраженію историка она «затмѣвала Москву своей важностью. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда шли воины толпами и порознь, всѣ съ мечемъ и копьемъ и съ ревностью»...

Князь Скопинъ-Шуйскій становился центромъ, вокругъ котораго собирались всѣ, кто желалъ умиротворенія родинѣ и скорѣйшаго избавленія ея отъ смуты. Поэтому ни мало не удивились въ Слободѣ, когда въ концѣ декабря къ князю прибыли послы изъ рязанской земли отъ рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова. Думный дворянинъ, Прокопій Ляпуновъ, человѣкъ умный, смѣлый и рѣшительный, былъ хорошо извѣстенъ, какъ въ своихъ мѣстахъ, такъ и въ Москвѣ. Измѣнивъ царю Василью, онъ одно время сражался подъ знаменами Болотникова и много содѣйствовалъ его успѣхамъ; но скоро покинулъ его и, принеся повинную царю Василью, старался загладить свою измѣну, помогая ему въ его борьбѣ съ тушинскимъ воромъ.

Послы Ляпунова отказались говорить съ княземъ при свидѣтеляхъ и только тогда, когда князь остался съ ними

наединѣ, они вручили ему грамоту отъ рязанскаго воеводы.

Быстро сломавъ печать грамоты, князь пробѣжалъ глазами первыя строки ея, и крайнее изумленіе изобразилось на его лицѣ. Онъ пристально взглянулъ на пословъ, и еще разъ прочелъ надпись на грамотѣ. Да, это ему, князю Михаилу, писана грамота! Но что же это такое?

Словно не вѣря своимъ глазамъ, князь вторично прочиталъ первыя строки грамоты.

Нѣтъ, онъ не ошибся, онъ правильно прочелъ: Прокопій Ляпуновъ... неслыханное дѣло! Онъ предлагаетъ ему царскій вѣнецъ!

«Вся Русь,—пишетъ Ляпуновъ,—желаетъ видѣть на царскомъ престолѣ его, князя Скопина, ибо онъ—мужъ достойнѣйшій изъ всѣхъ»...

Краска негодованія заливаетъ щеки князя, сурово сдвигаются его брови .. нѣтъ, дальше онъ не можетъ читать, ибо дальше рязанскій воевода пишетъ укорительныя рѣчи противъ царя Василья. Князь въ клочки разрываетъ грамоту и бросаетъ ее на полъ.

«Вѣдомо вамъ, послы рязанскіе, что пишетъ намъ воевода Ляпуновъ?—строго спросилъ онъ пословъ.

«Вѣдомо князь, — поспѣшили отвѣтить испуганные послы.

«Какъ же осмѣлились вы явиться съ этой грамотой ко мнѣ, вѣрному слугѣ царя Василья?

И князь хотѣлъ было отдать приказъ схватить пословъ и представить ихъ царю, но послы упали къ его ногамъ, вымаливая прощенье. Князь приказалъ имъ подняться. Первый порывъ гнѣва прошелъ, онъ одумался. Что пользы въ томъ, если онъ отошлетъ пословъ къ царю, какъ измѣнниковъ. Крамолы въ Москвѣ и такъ довольно.

Измѣной не удивишь царя, только пуще встревожишь его. Нѣтъ, лучше никому не скажетъ онъ объ этой грамотѣ и, указывая на разбросанные по полу клочки бумаги, онъ сказалъ посламъ:

«Передайте вашему воеводѣ и всѣмъ людямъ рязанскимъ, кои съ вами едино мыслятъ: ежели кто осмѣлится еще разъ явиться ко мнѣ съ такими вздорными предложеніями, съ тѣми будетъ поступлено такъ же, какъ съ этой грамотой. А теперь, идите съ глазъ моихъ прочь»!..

Опасаясь, какъ бы разгнѣванный князь не перемѣнилъ милость на гнѣвъ, послы, не медля, пустились въ обратный путь.

«Только зачѣмъ же воевода избралъ для своихъ низкихъ цѣлей его, вѣрнаго слугу царя?—думалъ князь по уходѣ пословъ.

Въ своей скромности онъ не подозрѣвалъ, что причиной того были его личныя качества.

Отважный въ бояхъ, но въ то же время осторожный и предусмотрительный, не любящій безполезно проливать кровь, ласковый и привѣтливый въ обхожденіи какъ съ людьми именитыми, такъ и съ худородными, князь Михаилъ невольно привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Самъ чужеземный полководецъ Делягарди привязался къ нему всей душой. Въ князѣ видѣли беззавѣтную любовь къ родинѣ, чуждую какихъ бы то ни было личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Ему вѣрили. Тѣ, кому дорого было благо родины, начинали смотрѣть на него, какъ на Божьяго избранника, призваннаго для спасенія отечества отъ всѣхъ бѣдъ и униженій. Прокопій Ляпуновъ въ своей грамотѣ открыто высказалъ только то, о чемъ уже многими говорилось втихомолку. Въ собственномъ станѣ князя среди его ратниковъ шли

рѣчи о томъ, какъ хорошо было бы, вмѣсто царя Василья, видѣть на московскомъ престолѣ любимаго воеводу, а въ тушинскомъ лагерѣ прямо говорили, что въ войскѣ князя его зовутъ царемъ. Но объ этомъ не подозрѣвалъ князь и только думалъ: «Стало быть, велика шатость въ Московской землѣ, если ему, родному племяннику царя, не побоялись предложить измѣну!»

Однако, эта грамота рязанскаго воеводы заставила князя поспѣшить съ выступленіемъ къ Москвѣ. «Излишней медлительностью, какъ и лишней торопливостью, пожалуй, можно испортить дѣло,—думалъ онъ,—чего добраго, еще кого нибудь въ цари произведутъ»...

Но князю не пришлось перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ тушинцевъ. Произошло событіе, значительно облегчившее ему побѣду надъ врагами: въ русскихъ предѣлахъ появился польскій король Сигизмундъ. Поводомъ для его появленія послужилъ тотъ договоръ, который князь заключилъ со шведами 28-го февраля. Въ этомъ договорѣ, между прочимъ, московскій царь за помощь въ борьбѣ съ тушинцами обязывался помогать шведскому королю противъ короля польскаго. Шведскій же король, Карлъ IX, былъ заклятымъ врагомъ Сигизмунда. Заключеніе такого союза пришлось, конечно, не по вкусу Сигизмунду, и онъ съ 12-ю тысячами отборнаго войска явился подъ стѣнами Смоленска. Цѣлью его было—свергнуть съ престола царя Василья и завоевать московское государство. Приходъ Сигизмунда съ такими намѣреніями произвелъ большое волненіе въ тушинскомъ лагерѣ. Онъ разстраивалъ разсчеты тушинскихъ вождей на щедрыя милости и первыя мѣста въ московскомъ царствѣ. При своемъ королѣ они конечно не могли бы играть такой роли, какъ при тушинскомъ царѣ. И потому гетманъ Ро-

жинскій, бывшій полновластнымъ хозяиномъ въ Тушинѣ, рѣшительно возсталъ противъ замысловъ своего короля. «Неужели же для того мы поддерживали тушинскаго царя, чтобы король пришелъ и отнялъ у насъ всѣ выгоды, пріобрѣтенныя нашей кровью и трудами?» Такъ говорилъ онъ, рѣшивъ ни за что «не уступать королю Россіи». Сапѣга держался другихъ взглядовъ: онъ не рѣшался отважиться на такія мѣры, которыя повели бы къ открытой борьбѣ съ королемъ. Между главными тушинскими вождями произошли такимъ образомъ большія разногласія, которыя привели къ ссорѣ. Угрожаемый съ одной стороны Сигизмундомъ, съ другой княземъ Скопинымъ, видя раздоры своихъ вождей, изъ которыхъ только Рожинскій готовъ былъ поддерживать его противъ польскаго короля, тушинскій царь, переодѣтый въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ бѣжалъ въ Калугу. Это было 29-го декабря. Послѣ его бѣгства, русскіе тушинцы отправили подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду посольство съ обѣщаніемъ немедленно покинуть тушинскаго царя, если король дастъ въ московскіе цари сына своего, польскаго королевича Владислава. При этомъ послы, въ числѣ которыхъ было много князей и бояръ московскихъ, клялись указать Сигизмунду пути и средства, какъ взять Москву и какъ свергнуть царя Василья; проще говоря, они открыто предавали польскому королю и Москву, и царя.

Вѣсти о раздорахъ въ тушинскомъ лагерѣ, такъ же какъ и о бѣгствѣ Тушинскаго царя въ Калугу, пришли въ Александровскую слободу тогда, когда князь Михаилъ уже готовился идти прямо на Сапѣгу, который продолжалъ стоять подъ стѣнами Троице-Сергіевской Лавры.

Но Сапѣга предупредилъ Скопина. Не поддерживаемый больше Рожинскимъ, не зная, за кого ему теперь сражаться,

за Тушинскаго царя или за короля польскаго, онъ 12 января 1610 года снялъ осаду съ Троицкаго монастыря и бѣжалъ къ Дмитрову. Такимъ образомъ, князь Скопинъ-Шуйскій безпрепятственно вступилъ въ Троицкую лавру, радостно встрѣченный монахами, которые отдали ему всю казну монастырскую для расплаты съ его ратниками.

Теперь оставалось только разгромить Тушино, въ которомъ еще держался Рожинскій.

ГЛАВА XVII.

Осадное время въ Москвѣ. Характеристика царя Василія. Бунтъ въ Москвѣ. Радостныя вѣсти отъ князя Скопина.

Трудно описать тѣ ужасы, которые переживала Москва въ осадное время. Благодаря тому, что дороги находились въ рукахъ тушинцевъ, въ столицу не было привоза ни хлѣба, ни дровъ, и цѣна на хлѣбъ, все поднимаясь, дошла наконецъ до небывалыхъ размѣровъ, до 7 руб. за четверть. Начался голодъ. А когда наступили зимніе морозы, бѣдняки стали пропадать отъ стужи и буквально замерзали въ своихъ нетопленыхъ лачужкахъ. Царь Василій разрѣшилъ брать на топливо опальные дворы, а для хлѣботорговцевъ пробовалъ установить таксу. Но купцы не слушали царя.

Кажется, никогда еще на Московскомъ престолѣ не было царя, котораго бы такъ мало уважали, въ особенности въ Москвѣ!

Если среди областныхъ жителей ходили сомнительные слухи о личности Василія Шуйскаго, то москвичамъ эта личность была слишкомъ хорошо извѣстна. Они вѣдь *собственными* ушами слышали всѣ его лживыя показанія о царевичѣ Дмитріи и *собственными* глазами видѣли, какъ онъ крестъ цѣловалъ царю Дмитрію Ивановичу, котораго не

считалъ сыномъ Грознаго и котораго, свергнувъ потомъ съ престола, величалъ чернокнижникомъ и еретикомъ!

Этотъ царь, по выраженію профессора Ключевскаго, «до нельзя изолгавшійся и изъинтриговавшійся, свое царствованіе открылъ рядомъ грамотъ, распубликованныхъ по всему государству, и въ каждомъ изъ этихъ манифестовъ заключалось по меньшей мѣрѣ по одной лжи». Такъ, въ записи, на которой онъ крестъ цѣловалъ, говорилось, что будетъ онъ всѣхъ «судить истиннымъ, праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своей не класть, отъ всякаго насильства оберегать, и которая ему была грубость при царѣ Борисѣ, то никому за нее не мстить». И тутъ же, послѣ этого торжественнаго обѣщанія, царь «началъ мстить людямъ, которые ему грубиша: бояръ думныхъ и дьяковъ, и стольниковъ, и дворянъ многихъ разосла по городамъ, по службамъ, а у иныхъ многихъ помѣстья и вотчины поотнима». Обѣщанъ былъ такимъ образомъ праведный судъ, а всѣ увидѣли другое: «хапалъ обоюду, не вѣдая что», говоритъ о царѣ Василіѣ Шуйскомъ Авраамій Палицынъ, «безъ разбора хваталъ онъ правыхъ и виноватыхъ, убивая ихъ, предавая смертному суду, никому не довѣряясь, но вѣря доносамъ и слушая тѣхъ, кто хотѣлъ служить ему языкомъ». Въ другой грамотѣ, разосланной по всѣмъ областямъ вскорѣ послѣ своего воцаренія, Шуйскій увѣрялъ своихъ подданныхъ, будто избранъ онъ на царство «всѣмъ Московскимъ государствомъ». Въ такомъ заявленіи царя увидѣли, конечно, явную ложь московскіе люди, прекрасно знавшіе, какъ келейно совершилось это избраніе. Не только въ областяхъ, но даже и въ Москвѣ, говоритъ лѣтописецъ, многіе не вѣдали про это дѣло.

«Неправдою сѣлъ онъ на царство, – говорили про Шуйскаго въ Москвѣ, —неправдою и правилъ».

Личная жизнь царя, хорошо извѣстная москвичамъ, также не могла внушить къ нему большого уваженія. По выраженію лѣтописца, царь Василій «былъ нечестивъ всяко и скотолѣпенъ, и оставя Бога, къ бѣсамъ прибѣгая», т. е. занимался ворожбой. Кромѣ того онъ много пилъ. По отзыву современниковъ, «во дни его всяка правда успе, и судъ истинный не бѣ и всяко любочестіе пресякну». Царемъ Василіемъ оказались недовольны даже тѣ бояре, которые посадили его на царство. Скупой царь не очень-то щедро наградилъ своихъ друзей за ихъ помощь. Противъ Шуйскаго начались заговоры. Заговорщики открыто, съ Лобнаго мѣста, призывали московскихъ гражданъ свести царя Василія съ престола, громко выкрикивая всѣ его неправды, обвиняя въ пьянствѣ и любви къ наушничеству. А мятежная толпа ломилась въ Кремль и клялась впустить въ столицу вора. Не разъ во время осады Шуйскому приходилось появляться передъ заговорщиками и говорить имъ: «чего хотите? Если убить меня, то я передъ вами и не боюсь смерти». Однако, московскіе люди медлили привести въ исполненіе свои угрозы. Что же удерживало ихъ отъ этого?

Ихъ удерживало опасеніе, какъ бы Тушинскій царь не оказался хуже Шуйскаго. Московскіе измѣнники, побывавшіе въ тушинскомъ станѣ и снова вернувшіеся къ царю Василію, такъ называемые *перелеты*, недобрыя вѣсти приносили оттуда. Грабежи, разбои и тяжелые поборы тушинцевъ, а главное, самовластіе поляковъ не обѣщали ничего хорошаго московскимъ гражданамъ. Такъ и жили московскіе люди, не уважая своего царя, бунтуя противъ него, измѣняя ему и въ то же время не рѣшаясь отворить ворота столицы Тушинскому вору. Безнравственность въ Москвѣ въ это осадное время достигла, по разсказамъ современниковъ, неслыханныхъ размѣровъ. Часто родственники

уговаривались между собою, кому оставаться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы пользоваться выгодами и тутъ, и тамъ. Взявъ жалованье изъ казны, московскіе чиновники спѣшили въ Тушино, чтобы тамъ потребовать такого же, и получали. Московскіе купцы за деньги снабжали станъ непріятельскій явствами, солью, платьемъ, даже оружіемъ и порохомъ, «продавая такимъ образомъ на серебро отцовъ своихъ и братію».

А жизнь въ столицѣ все дорожала. Морозы крѣпчали. Голодъ и холодъ давали себя знать. Когда же придетъ этому конецъ? Москва начинала терять терпѣніе. Чутко стали прислушиваться московскіе граждане къ вѣстямъ, которыя получалъ царь Василій отъ своего племянника, князя Скопина. Изъ грамотъ его они знали, что онъ идетъ на избавленіе Москвы отъ воровъ, идетъ медленно, но все-таки идетъ, и передъ нимъ отступаютъ тушинцы. Давно уже отбита Тверь, давно занялъ онъ Александровскую слободу... «Скоро въ Москвѣ будетъ», увѣрялъ царь Василій, стараясь поддержать бодрость въ московскихъ гражданахъ.

А князя все же не было. Вотъ и воръ бѣжалъ изъ Тушина, и Троицкая лавра освободилась отъ Сапѣги, а Москва все еще томилась въ осадѣ. А тутъ пришли новыя тревожныя вѣсти: Смоленскъ громилъ Сигизмундъ, Тушинскій воръ снова усиливался въ Калугѣ, а русскіе измѣнники предлагали московскій престолъ польскому королевичу Владиславу!

Да кто же побѣдитъ наконецъ, кто сядетъ на Московскомъ престолѣ? Тушинскій ли воръ? Сигизмундъ ли польскій или королевичъ Владиславъ? Только бы скорѣй чѣмъ нибудь рѣшилось дѣло! Больше не было силъ терпѣть... И доведенная до отчаянія столица снова бунтовала.

Однажды въ концѣ февраля 1610 года въ Москвѣ раз-

дался набатный звонъ, и со всѣхъ концовъ ея народъ повалилъ къ Кремлю. Дѣти боярскія и черные всякіе люди громко вопили: «долго-ль намъ сидѣть въ осадѣ? Хлѣбъ дорогой, промысловъ нѣтъ никакихъ, ничего взять негдѣ и купить нечѣмъ?» Вотъ Кремль, вотъ и дворецъ. За его стѣнами сидитъ царь. И видъ этого дворца вызываетъ приливъ необычайнаго раздраженія въ толпѣ. Сколько разъ клялся имъ царь, что близокъ конецъ осадѣ, что князь Скопинъ-Шуйскій скоро явится на выручку Москвы, и все лгалъ онъ, лгалъ, какъ всегда!

«Пусть выйдетъ къ намъ царь, пусть скажетъ, долго-ль мы голодать будемъ!» И толпа рѣшительно подступала къ дворцу.

Но безмолвны были стѣны дворца, а вмѣсто царя передъ громадной толпой выстроились ряды стрѣльцовъ.

«Царя намъ надо, мы за хлѣбомъ пришли,—раздавались грозные крики,—хлѣба намъ, хлѣба, много его въ царскихъ закромахъ»...

И со всѣхъ сторонъ прибывали новыя толпы людей, и громкіе крики ихъ заглушали удары набатнаго колокола.

«Это за грѣхи царя Богъ наказываетъ насъ и дѣтей нашихъ! Не хотимъ ради его погрѣшительной жизни терпѣть голодъ и междоусобныя брани! Не хотимъ царя нечестиваго! Къ вору уйдемъ! Къ Сигизмунду польскому! Къ королевичу Владиславу!»

И толпа угрожающе наступала на стрѣльцовъ, готовая прорвать плотные ряды царскихъ охранителей. Но въ эту минуту на площади появился всадникъ, окруженный ратными людьми. Въ рукахъ онъ держалъ грамоту. Толпа отъ неожиданности растерялась.

«Отъ князя Скопина вѣсть пришла!» крикнулъ всад-

никъ, и въ тотъ же мигъ эти слова были подхвачены сотнями голосовъ.

«Гонецъ прискакалъ! Отъ князя Скопина вѣсть пришла!» радостно загудѣла толпа. Отъ князя Скопина не могло быть дурныхъ вѣстей! За эти долгіе мѣсяцы тяжкихъ невзгодъ и лишеній только вѣсти отъ него и поддерживали въ московскихъ гражданахъ надежду на лучшее будущее.

Набатный звонъ смѣнился радостнымъ, ликующимъ звономъ кремлевскихъ колоколовъ, а толпа, забывъ свое раздраженіе, снова устремилась къ дворцу.

Вотъ на дворцовое крыльцо выходитъ, окруженный боярами, царь. Онъ теперь не боится мятежной толпы, онъ знаетъ, чѣмъ успокоить ее, въ рукахъ его радостныя вѣсти. Онъ протягиваетъ дьяку только что полученную отъ князя Михаила грамоту. Толпа, затаивъ дыханіе, внимаетъ дьяку.

Русскія и шведскія войска разбили на голову Сапѣгу подъ Дмитровомъ, и онъ бѣжалъ. Бѣжалъ изъ Тушина и главный тушинскій вождь, гетманъ Рожинскій, покинувъ въ тушинскомъ станѣ громадные запасы хлѣба и мяса. Теперь эти запасы направлялись къ Москвѣ, ибо всѣ дороги къ столицѣ были уже свободны отъ воровъ.

Таково было содержаніе грамоты, полученной отъ Скопина.

Наконецъ-то послѣ 18-ти мѣсячной осады освободилась Москва! Кончились всѣ невзгоды и лишенія!

Всѣ крестятся, многіе отъ радости плачутъ. И никто не глядитъ на того маленькаго, невзрачнаго старика, который въ царскомъ одѣяніи стоитъ на дворцовомъ крыльцѣ.

Это не онъ виновникъ всеобщей радости, это не онъ избавилъ столицу отъ гибели!

Толпа мысленнымъ взоромъ видитъ передъ собой дру-

гое лицо, молодое, прекрасное лицо его племянника, и какъ одинъ человѣкъ гудитъ:

«Слава князю Михаилу! Да здравствуетъ князь Скопинъ-Шуйскій!»

ГЛАВА XVIII.

Отдыхъ войска князя Михаила наканунѣ въѣзда въ Москву. Неожиданное появленіе въ станѣ сказочника. Его разсказъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ разсказомъ на князя Михаила.

Громадная поляна усѣяна ратниками. Кое-гдѣ раскинуты походныя палатки. Слышенъ храпъ людей, фырканье коней, изрѣдка раздается бряцанье сабли, прозвучитъ чей-то голосъ и снова смолкнетъ. И надъ всей этой мирной картиной отдыхающаго войска спускается темная мартовская ночь. Это князь Михаилъ со своими отрядами остановился на ночлегъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, чтобы на слѣдующій день утромъ совершить торжественный въѣздъ въ столицу.

Князю не спится. Мысли свѣтлыя одна за другой быстро проносятся въ его головѣ, и отъ радостнаго волненія сердце учащенно бьется въ его груди.

Завтра онъ будетъ въ Москвѣ! Всѣ тревоги, неудачи и разочарованія, все осталось позади. Москва свободна отъ осады, царю больше не грозитъ бѣда! Онъ исполнилъ свой долгъ, честно послужилъ родинѣ, теперь онъ можетъ сказать это съ чистой совѣстью!

Князь поднимается со своей жесткой походной постели и выходитъ изъ палатки.

Сырой воздухъ холодитъ его разгоряченное лицо; онъ окидываетъ взглядомъ эту еще не оттаявшую отъ снѣга поляну, гдѣ отдыхаютъ его боевые товарищи, всматривается

въ темную даль, и кажется ему, никогда еще не былъ онъ такъ счастливъ, какъ въ эту сырую, темную, мартовскую ночь!

«Не спится тебѣ, князь!»—прозвучалъ возлѣ него голосъ его вѣрнаго слуги, который расположился на отдыхъ у самой его палатки.

Князь оглянулся.

Слуга быстро поднялся съ земли и, не дождавшись отвѣта, вполголоса сказалъ:

— Не хочешь ли, князь, сказочника позову?

«Какого сказочника. Что ты говоришь? Или не проснулся еще!» съ изумленіемъ воскликнулъ князь.

— Не сплю я, князь, а про сказочника вѣрно говорю. Объявился въ станѣ давеча какой-то старикъ, куда идетъ не сказываетъ, занятный такой, къ каждому слову у него присказки, да прибаутки. Гораздъ, говоритъ, я сказки сказывать. Къ тебѣ просился.

«Ну чтожъ, зови старика, все одно, не уснуть теперь!—уже весело сказалъ князь и снова вошелъ въ свою палатку. Сказочникъ! Передъ княземъ промелькнуло далекое дѣтство. Какъ любилъ онъ слушать эти сказки въ долгіе зимніе вечера въ терему... Много заходило къ нимъ въ домъ разныхъ странниковъ, привѣчалъ ихъ отецъ. Странники—народъ бывалый, изъ конца въ конецъ проходили они матушку Русь, много всего видѣли, занятны были ихъ разсказы.

Свѣтлая улыбка озарила лицо князя, и онъ весь ушелъ въ эти воспоминанія.

Легкій шорохъ возлѣ палатки заставилъ его вздрогнуть. Машинально онъ схватился за саблю.

Да вѣдь это сказочникъ! Онъ совсѣмъ и забылъ о немъ.

«Ну, добро пожаловать, старикъ, садись вотъ тутъ».

Князь указалъ ему мѣсто у входа въ палатку, а самъ опустился на постель. Трудно разглядѣть лицо старика. Только бѣлая, какъ лунь, длинная борода, да такіе же бѣлые волосы на головѣ ясно выдѣлялись въ темнотѣ.

«Что разсказать тебѣ, княже,—началъ старикъ пѣвучимъ голосомъ, какимъ обыкновенно говорили сказки,—сказку-ль сказать, быль ли повѣдать?

«Сказывай, старикъ, что знаешь! Давно ты живешь на свѣтѣ, на многое наглядѣлся».

«Ну, слушай, княже! Слушай да не перебивай. Старъ я сталъ, забывчивъ... коли остановишь, забуду все. Слушай»...

И старикъ тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ началъ:

«Далеко, далеко, тамъ, гдѣ земля кончается, и море синее начинается, стоитъ городъ большой, людный, шумный. А улицы въ томъ городѣ узкія, дома высокіе, и живутъ тамъ нехристи басурмане... И большой торгъ идетъ въ городѣ. Пріѣзжаютъ туда купцы изъ далекихъ земель. И на торгу на томъ, на площади сидятъ люди связанные, скованные, раскалённымъ желѣзомъ клейменные, все невольники полоненные, души православныя, христіанскія... И стонутъ невольники, и горючими слезами заливаются, о далекой родинѣ вспоминаючи. И покупаютъ ихъ купцы иноземные, разлучаютъ отца съ сыномъ, мать съ дочерью, и развозятъ ихъ по чужимъ далекимъ землямъ на своихъ ладьяхъ, на разукрашенныхъ»...

Поднялъ голову съ изголовья своего князь и вслушивается.

То не сказку заводитъ старикъ, въ складной рѣчи его быль слышится. Этотъ городъ у синяго моря—это Кафа, большой, торговый городъ въ Крыму. А ладьи разукрашенныя — это иноземные торговые корабли. А плѣнники, что сидятъ на площади, скованные и связанные—это русскіе

люди, которыхъ уводили въ плѣнъ татары во время своихъ набѣговъ на южно-русскія области и продавали туркамъ.

А старикъ продолжалъ:

«А больше того стонутъ плѣнники, кои попадаютъ на галеры турецкія. День и ночь гребутъ они веслами; кнутомъ подгоняютъ ихъ сторожа, къ нимъ немилостивые. Палитъ зноемъ ихъ тѣла обнаженныя, ноги рѣжетъ цѣпь желѣзная, коя на всю жизнь приковала ихъ къ скамьямъ галернымъ. И нашелся среди плѣнниковъ тѣхъ удалецъ лихой... обманулъ онъ сторожей немилостивыхъ, распилилъ онъ цѣпи желѣзныя и убѣгъ изъ полона турецкаго»...

«Кто же это? Про кого сказываешь?» невольно вырвалось у князя.

Но старикъ словно не слыхалъ его вопроса.

Онъ продолжалъ говорить о лихомъ удальцѣ, который, убѣжавъ изъ полона турецкаго, вернулся на родину и увидѣлъ тамъ тяготу народной жизни.

И внимательно слушалъ князь. И невольно захватывала его эта сильная, складная рѣчь старика Да развѣ ужъ такъ тяжела она, эта доля народная?—думалъ онъ. Правду ли говорилъ старикъ?

А старикъ все говорилъ. Въ голосѣ его звучали слезы, когда описывалъ онъ бѣдствія народной массы. Нѣтъ, не лгалъ старикъ...

Но вотъ голосъ старика зазвучалъ тише, медленнѣе. А князь приподнялся съ постели, стараясь не проронить ни единаго слова изъ рѣчи. Онъ начиналъ догадываться, о комъ говорилъ старикъ, кто былъ тотъ удалецъ, что бѣжалъ изъ плѣна турецкаго.

«Старикъ, что говоришь ты? — вдругъ крикнулъ князь, вскакивая съ мѣста.—Про кого рѣчь ведешь? Да отвѣчай! Что-жъ ты молчишь?»

Князь весь дрожалъ, крѣпко стискивая саблю въ лѣвой рукѣ, правую онъ протянулъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ старикъ.

«Да что жъ ты, заснулъ, что ли?»

Но рука князя напрасно искала въ темнотѣ сказочника. Его уже не было въ палаткѣ.

«Гдѣ старикъ? Приведи его сюда!»

Разбуженный княземъ слуга спросонья глядѣлъ на него, ничего не понимая.

«Гдѣ, какой старикъ?» И, сообразивъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, онъ бросился исполнять приказаніе князя.

Это о немъ, о Болотниковѣ сказывалъ старикъ, это онъ бѣжалъ изъ плѣна турецкаго, чтобы поднять народъ противъ сильныхъ людей. А тотъ князь, что держалъ сторону этихъ «сильныхъ» людей и выходилъ съ ратью на обиженныхъ, это онъ, князь Михаилъ, это про него говорилъ старикъ...

«Князь, старика нѣтъ въ станѣ, да и тьма кругомъ кромѣшная... Можетъ, заснулъ гдѣ», сказалъ, входя въ палатку, слуга.

«Не надо!» рѣзко, отрывисто приказалъ князь.

Цѣлый рой новыхъ чувствъ, новыхъ мыслей вызвалъ въ князѣ разсказъ старика, и долго въ эту ночь не могъ онъ заснуть...

ГЛАВА XIX.

Въѣздъ князя Скопина въ Москву. Пиры. Чествованіе князя. Печаль князя.

Ликуетъ Москва. Радостно гудятъ Кремлевскіе колокола. Весело сіяетъ мартовское солнце. На улицахъ, на крышахъ домовъ вездѣ народъ, одѣтый въ свои лучшія праздничныя одежды. Несмѣтныя толпы его, не взирая на грязь невылазную, такъ и валятъ на Троицкую дорогу. Туда же проѣхали въ своихъ колымагахъ знатнѣйшіе бояре московскіе, туда въ каретѣ провезли и царя.

У всѣхъ на устахъ одно имя — имя князя Михаила. Это его встрѣчаетъ Москва...

Никто не знаетъ всѣхъ подробностей борьбы князя съ тушинцами. Не знали, не догадывались, что сила князя опиралась на искусство шведскихъ ратниковъ, безъ которыхъ онъ ничего не могъ бы сдѣлать, что безъ подмоги сѣверныхъ областей, безъ ихъ казны ему не удалось бы удержать иноземное войско. Не знали, какую роль въ этой борьбѣ сыграло вступленіе въ московскіе предѣлы польскаго короля Сигизмунда. Но зато всѣ ясно видѣли, что Тушино опустѣло и Сапѣга ушелъ отъ Троицкаго монастыря, лишь только князь Михаилъ сталъ приближаться къ Москвѣ. Понятно поэтому, что весь успѣхъ дѣла, страхъ и бѣгство враговъ и освобожденіе столицы отъ осады,—все было приписано ему.

«Слава князю Михаилу! Да здравствуетъ князь Михаилъ.» Радостно гудитъ толпа и движется все впередъ и впередъ... Остановилась наконецъ... Вотъ въ солнечныхъ лучахъ засверкало оружіе: то иноземные и русскіе полки

подходили къ Москвѣ. Но толпа, минуя ихъ, пристально всматривается... Вотъ онъ наконецъ!.. Словно громъ прогремѣлъ, такъ грянула она свои привѣтствія и, какъ одинъ человѣкъ, ринулась впередъ.

«Многія лѣта князю Михаилу! Будь здравъ, отецъ ты нашъ, спаситель!» гремѣло въ воздухѣ. А князь Михаилъ, отдѣлившись отъ своихъ ратниковъ, медленно подвигался на своемъ боевомъ конѣ. По лѣвую руку его ѣхалъ Делягарди. Вотъ совсѣмъ уже близко князь. Бояре и князья выходятъ изъ колымагъ, но толпа не даетъ имъ пройти. Она падаетъ ницъ передъ молодымъ воеводой, отъ лица всей земли бьетъ ему челомъ за спасеніе родины отъ злодѣевъ своихъ и чужихъ, подноситъ хлѣбъ-соль и только тогда уступаетъ мѣсто знатнѣйшимъ боярамъ. Привѣтствуютъ князя бояре, благодарятъ его и сподвижника его Делягарди. Вотъ и царь Василій вышелъ изъ кареты, подходитъ къ князю который тоже слѣзъ съ коня. Царь обнимаетъ князя и въ порывѣ искренняго умиленія нѣсколько разъ цѣлуетъ его. И снова громкіе крики толпы, въ которыхъ слышится и радость, и благодарность, и восхищеніе...

Вотъ бояре пересѣли на коней, оставивъ колымаги позади, сѣлъ на коня и царь и поѣхалъ по правую сторону молодого князя. Такъ вплоть до Кремля ѣхали при громкихъ крикахъ несмѣтной толпы молодой князь и дядя его, царь Василій.

И, видя ихъ рядомъ, народъ невольно сравнивалъ обоихъ, и некрасивое лицо царя казалось всѣмъ еще непривлекательнѣе рядомъ съ прекраснымъ, молодымъ лицомъ князя. Въ то время, какъ юный вождь, привѣтливо улыбаясь, смотрѣлъ на толпу смѣлымъ, открытымъ взглядомъ, лукавые, подслѣповатые глазки царя Василья даже и въ эту радостную для него минуту какъ-то безпокойно бѣ-

Василій Ивановичъ Шуйскій.

гали по сторонамъ. Всѣ видѣли теперь, что царь не въ силахъ былъ самъ защитить свое государство отъ «воровскихъ» грабежей и разбоевъ и не съумѣлъ прогнать воровъ отъ столицы; племянникъ же его сдѣлалъ это въ нѣсколько мѣсяцевъ... Царь былъ слабъ, нерѣшителенъ, князь былъ смѣлъ, отваженъ. Нѣтъ, сравненіе было далеко не въ пользу царя Василія! И немудрено, что у многихъ въ толпѣ промелькнула мысль, ясно высказанная рязанскимъ воеводой Ляпуновымъ, мысль о томъ, что ѣхавшій рядомъ съ царемъ племянникъ его былъ болѣе своего дяди достоинъ занимать Московскій престолъ.

Послѣ торжественнаго въѣзда князя въ Москву начались пиры. Царь угощалъ шведовъ и одѣлялъ ихъ подарками. Бояре наперерывъ зазывали къ себѣ въ дома иноземныхъ гостей и всячески старались выразить имъ свою признательность. Веселье москвичей не смутили даже и новыя тревожныя вѣсти объ успѣхахъ Сигизмунда.

«Князь Михаилъ прогонитъ Сигизмунда, князь Михаилъ отстоитъ родину отъ всякихъ враговъ»...

Такъ говорили въ Москвѣ, и вездѣ князю было первое мѣсто, отъ всѣхъ онъ видѣлъ почетъ и уваженіе. Безъ него не начинали пира, его чествовали, за него пили заздравныя чаши. Громкими, восторженными криками толпы сопровождалось каждое появленіе князя на улицѣ, передъ нимъ падали ницъ, его благословляли.

Москва словно устала отъ того лицемѣрія, которымъ жила долгіе мѣсяцы осады, словно устыдилась тѣхъ своекорыстныхъ разсчетовъ, которые заставляли ее клясться въ вѣрности царю Василію и тутъ же измѣнять ему ради тушинскаго вора. И какъ будто обрадованная тѣмъ, что нашелся наконецъ человѣкъ, который заставилъ ее сбросить эту позорную личину лицемѣрія, она спѣшила выразить ему

свою признательность. Это была не только благодарность за освобожденіе отъ «воровъ»; восторженное отношеніе къ князю питалось болѣе высокими чувствами: его благодарили за то, что онъ пробудилъ въ сердцахъ забытыя на время лучшія чувства...

Казалось бы, какъ счастливъ долженъ былъ быть тотъ человѣкъ, которому удалось стать любимцемъ народа и котораго всѣ величали спасителемъ отечества! А между тѣмъ, на шумныхъ ли пирахъ, на улицѣ ли въ виду восторженной толпы, нѣтъ, нѣтъ, да и затуманится вдругъ лицо молодого князя; облако какой-то печали набѣжитъ на его чело, и на вопросы окружающихъ онъ начинаетъ отвѣчать невпопадъ, словно мысли его ушли куда-то далеко. Случалось, что его отвѣтная рѣчь на привѣтствія толпы обрывалась на полусловѣ, и онъ какъ будто дѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы окончить ее.

И для многихъ становилось ясно: что-то угнетало юную душу князя, какія-то думы тревожили его.

О чемъ были эти думы?

ГЛАВА XX.

Думы князя Михаила о лучшемъ устроеніи русской земли. Царь подозрѣваетъ князя въ измѣнѣ. Отчаянье князя.

Съ той злополучной ночи началось это... Князь потерялъ покой, онъ не знаетъ куда дѣться отъ тѣхъ думъ и чувствъ, которыя вызвалъ въ немъ разсказъ старика.

Кто былъ этотъ старикъ? Можетъ быть, кто нибудь изъ друзей Болотникова? А можетъ и онъ самъ? Можетъ быть переодѣвшись старикомъ этотъ безумно смѣлый человѣкъ

пробрался въ его станъ, чтобы ему, князю, разбить сердце и раздвоить мысли!

Такъ ясно до той поры представлялся князю путь его жизни! Онъ, московскій бояринъ, вѣрой и правдой служилъ своему государю, помогая ему защищать родину отъ ея враговъ. Кто были враги его родины? И это онъ хорошо зналъ. Это были воры, мятежники, крамольники, которые поднялись противъ своего законнаго государя. Выступая на борьбу съ ними, князь хорошо зналъ, что правда была на его сторонѣ. Онъ шелъ защищать законный порядокъ, слѣдовательно, онъ былъ правъ. Они возстали противъ этого законнаго порядка,—стало быть, они были неправы!

Такъ вѣрилъ онъ прежде. Теперь вѣра эта разбита. Мысли спутались въ его головѣ. Многое передумалъ князь съ той ночи и, подъ вліяніемъ разсказа старика, на многое взглянулъ по другому. И усумнился онъ въ правотѣ своей, и увидѣлъ онъ, что правда была какъ будто и на сторонѣ тѣхъ, противъ кого онъ выходилъ со своей ратью.

Напрасно ликуетъ Москва, напрасно всѣ зовутъ его, князя, спасителемъ отечества! Стыдно ему теперь слушать эти похвалы, видитъ онъ, что нѣтъ въ нихъ правды, что не спасъ онъ родины. Что изъ того, что онъ освободилъ отъ воровъ Москву, что изъ того, что онъ разобьетъ Сигизмунда? Страшенъ не Сигизмундъ, не тушинскій воръ, не Болотниковъ, страшно это недовольство народное, которое родитъ все новыхъ и новыхъ вождей.

Недовольныя массы стали казаться князю какимъ-то сказочнымъ змѣемъ, у котораго не успѣешь одну голову отрубить, какъ на мѣсто ея десять новыхъ вырастаетъ.

Вотъ самое это недовольство надо уничтожить! Чтобы

утѣсненія народу не было, чтобы не обижали его люди сильные, чтобы доволенъ онъ былъ своими порядками. Вотъ тогда и не пойдетъ онъ мятежемъ, тогда и успокоится русская земля. Князь постепенно приходилъ къ этой мысли.

Но съ чего начать? Какъ устроить русскую землю такъ, чтобы хорошо въ ней жилось не только однимъ знатнымъ да богатымъ? Какіе порядки нужно ввести, чтобы всѣ были ими довольны.

Вотъ эти мудреные вопросы о лучшемъ устроеніи русской земли, разоренной и измученной смутой, и тревожили молодой умъ князя Михаила въ то время, какъ всѣ кругомъ пировали и веселились по случаю избавленія отъ «воровъ».

Среди такихъ размышленій князя позвали однажды во дворецъ. Послѣ пріѣзда въ Москву, царь неоднократно присылалъ за нимъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о дѣлахъ государскихъ. На этотъ разъ князь рѣшилъ принести на судъ царя тѣ думы и чувства, которыя волновали его въ послѣднее время.

Царь былъ одинъ въ палатѣ, когда князь вошелъ къ нему. Поздоровавшись съ племянникомъ, онъ заговорилъ съ нимъ о новыхъ непріятныхъ вѣстяхъ изъ-подъ Смоленска. Но чувствовалось князю, что у царя было что-то другое на умѣ, что не затѣмъ онъ позвалъ его, чтобы говорить о новыхъ успѣхахъ польскаго короля.

И онъ не ошибся.

Искусно переведя рѣчь на пребываніе князя въ Александровской Слободѣ царь вдругъ неожиданно спросилъ его:

«А зачѣмъ къ тебѣ, князь, послы отъ Прокопія Ляпунова приходили?»

«Откуда ты знаешь объ этомъ, государь?» въ свою очередь просто и спокойно спросилъ князь.

«Мнѣ о томъ братъ, князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій сказывалъ»...

Князь Михаилъ поморщился.

Ужъ не разъ близкіе къ нему люди предупреждали его о томъ, чтобы остерегался онъ царскаго брата; говорили, что не могъ завистливый князь Дмитрій простить ему его успѣхи и любовь къ нему москвитянъ. Упорно носились также слухи о томъ, что Дмитрій Шуйскій, разсчитывая на царскій престолъ въ случаѣ смерти бездѣтнаго царя Василія видѣлъ себѣ въ молодомъ князѣ соперника.

«Коли князь Дмитрій Ивановичъ все знаетъ, стало быть знаетъ онъ и зачѣмъ послы отъ Ляпунова приходили», сдержанно замѣтилъ князь.

«Вѣрно говоришь, и про то сказывалъ,—сухо сказалъ царь. - Дивлюсь я только, князь, эдакое дѣло, вѣнецъ царскій предлагалъ тебѣ измѣнникъ, а ты хоть бы слово мнѣ о томъ сказалъ!»

«Тревожить тебя не хотѣлъ, государь, мало-ль измѣнниковъ на Руси».

«Ну, Прокопій Ляпуновъ не чета другимъ! Въ рязанской землѣ онъ не маленькій человѣкъ»...

Царь остановился, словно подбирая слова.

«Ну что же ты... что жъ ты ему отвѣтилъ?» съ трудомъ выговорилъ онъ и глаза его забѣгали по сторонамъ, избѣгая взгляда князя.

«И ты спрашиваешь, государь!» только и могъ вымол-

вить князь Михаилъ, но въ этихъ словахъ такой укоръ послышался царю, что онъ поспѣшно сказалъ:

«Вѣрю я, князь, вѣрой и правдой ты мнѣ служишь, такъ это я сказалъ, къ слову пришлось».

Князь Михаилъ еще нуженъ былъ царю, потому что со Смоленска надвигалась гроза въ лицѣ польскаго короля. Царь еще нуждался въ службѣ князя, и въ то же время онъ уже начиналъ опасаться все возраставшей къ нему любви московскаго народа.

«Ты нынче придешь на пиръ къ Воротынскому?—спросилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ и тутъ же добавилъ ядовито:

«Самъ знаешь, безъ тебя нынче и пировъ не начинаютъ!»

«Не до пировъ бы теперь, государь, коли опять бѣда грозитъ...» началъ было князь.

«Ну, эта бѣда невелика! Съ тушинцами справились, Богъ дастъ и Сигизмунда одолѣемъ.» хвастливо перебилъ князя царь, «а на пиръ сходи, не то обидится князь».

Князь молчалъ. Онъ не находилъ, что сказать царю. Стѣны царской палаты, казалось, давили его. Слова о лучшемъ устроеніи русской земли не шли у него съ языка.

Царь не вѣритъ ему! Царь подозрѣваетъ его въ измѣнѣ!

Князь не помнилъ, какъ вышелъ изъ дворца, какъ очутился въ своихъ хоромахъ. Страшную пустоту ощущалъ онъ въ сердцѣ своемъ, словно вынули изъ него все, чѣмъ жилъ онъ до сихъ поръ. Съ той минуты, какъ въ душѣ его произошелъ переворотъ, онъ жилъ надеждой на поддержку царя Онъ вѣрилъ, что царь согласится съ его мыс-

лями о лучшемъ умиротвореніи московскаго государства, и они вмѣстѣ будутъ работать надъ устроеніемъ родной земли, водворяя въ ней правду, давая защиту слабому, судъ праведный обиженному. И вотъ царь своей подозрительностью убилъ въ немъ эту вѣру.

Не за себя оскорбился князь, когда услыхалъ отъ царя слова недовѣрія, нѣтъ, ему стало страшно за родину.

Если царь вокругъ себя не могъ отличить лжи отъ правды, думалъ онъ, если царь гнусному доносу давалъ больше вѣры, чѣмъ правдивому слову своего преданнаго слуги, то ему ли было водворить правду въ русской землѣ!

Князь не вѣрилъ больше въ царя Василія... и въ долгую, безсонную ночь съ тоской въ душѣ спрашивалъ онъ себя:

«Кто же успокоитъ русскую землю, кто дастъ ей умиротвореніе?»

ГЛАВА XXI

Пиръ у князя Воротынскаго. Внезапная болѣзнь князя Скопина Шуйскаго.

Въ самомъ разгарѣ пиръ у князя Воротынскаго. Всевозможными винами и явствами заставленъ длинный столъ, за которымъ пируютъ гости. Здѣсь все свои, близкіе другъ другу люди. Гостепріименъ и радушенъ хозяинъ. То и дѣло по знаку его слуги наполняютъ золоченыя чарки гостей дорогимъ заморскимъ виномъ. Пьютъ за здоровье великаго государя и за здоровье князя Михаила, который сидитъ на почетномъ мѣстѣ въ переднемъ углу; пьютъ за здоровье брата государева Дмитрія Ивановича Шуйскаго, что помѣ-

стился насупротивъ молодого князя, долгіе годы жить да здравствовать желаютъ хозяину и хозяйкѣ, и конца нѣтъ этитъ здравицамъ.

Шумно идетъ бесѣда гостей. Говорятъ больше о новыхъ вѣстяхъ, привезенныхъ гонцами изъ подъ Смоленска: будто сильно помышляетъ Сигизмундъ о Москвѣ, будто собралась у него рать большая, и сѣверная Украйна за него стоитъ.

«Ну, на прежепогибшую Украйну дивиться нечего, полнымъ полна мятежниками да измѣнниками», говорилъ хозяинъ, снова приказывая наполнить чарки гостей.

«Нашелъ, чѣмъ испугать! О Москвѣ помышляетъ!» развалясь на лавкѣ сказалъ князь Дмитрій Шуйскій. «Наглядѣлись мы на этотъ сбродъ подъ Москвой, живо расправились со злодѣями. Небось, опять Сапѣга воеводствуетъ. Мало ему, что прогнали разъ...

«И теперь, братъ, спуску не дадимъ! У нашего государя вѣрныхъ слугъ не занимать стать. Какой дорогой пришелъ такой и назадъ погонимъ», поддерживалъ Дмитрія Шуйскаго сидѣвшій рядомъ съ нимъ князь Голицынъ.

Расхрабрившіеся за столомъ бояре совсѣмъ забыли, какъ мѣсяцъ тому назадъ дрожали за свою судьбу, сидя въ осадѣ. Князю Голицыну, прославившемуся своими измѣнами, совсѣмъ бы не пристало хвастаться своей вѣрностью царю Василію, а князю Дмитрію Шуйскому и совсѣмъ бы помолчать слѣдовало о своей храбрости: ничего, кромѣ недостойной трусости, не проявилъ онъ въ борьбѣ съ «ворами»..

Но такой ужъ изстари былъ обычай у русскихъ бояръ сидя за чаркою вина, всегда враговъ своихъ шапками закидать похвалялись!

Разгоряченные виномъ гости Воротынскаго такъ разо-

шлись, что всю побѣду надъ Тушинскимъ воромъ готовы были приписать себѣ, благо князь Михаилъ молчалъ и какъ будто не слушалъ ихъ разговоры. Не по себѣ было князу Михаилу на этомъ пиру. Здѣсь среди родственниковъ и такъ недавно еще близкихъ ему людей, онъ чувствовалъ себя теперь чужимъ.

«Стереть бы съ лица земли эту прежепогибшую Украйну со всѣми ея крамольниками, вотъ бы и спокойно зажили,— снова говорилъ Дмитрій Шуйскій,—перевѣшать бы всѣхъ до одного мятежниковъ, небось бы тогда и самозванцы перевелись»...

Какъ странно звучали теперь для князя Михаила эти рѣчи! А вѣдь недавно онъ и самъ думалъ точно такъ же. Заодно съ княземъ Шуйскимъ думалъ онъ, что стоило только разбить на ратномъ полѣ всѣ воровскія шайки, какъ успокоится русская земля. Слѣпой онъ былъ тогда, такой же слѣпой, какъ и они всѣ, пирующіе за столомъ. Теперь прозрѣлъ, видитъ то, чего не видятъ они...

И въ отвѣтъ на слова Дмитрія Шуйскаго онъ сказалъ: «Не такъ говоришь, князь, переведутся на Руси и мятежники и крамольники, да только не висѣлица для нихъ нужна».

«А что жъ, по твоему, имъ злодѣямъ нужно?»

«О томъ ихъ самихъ спросить надо! Они лучше насъ съ тобой знаютъ, что имъ надобно».

«Мудрено говоришь ты нынче, князь не скоро и разберешь, къ чему твоя рѣчь клонится... Выпей-ка лучше! Гляди, мы всѣ пьемъ, а ты, почитай, и двухъ чарокъ не осушилъ...

Князь ничего не отвѣтилъ. Ему хотѣлось уйти съ этого пира, отъ этихъ полупьяныхъ людей. Его не занимала ихъ бесѣда, а они не понимали его рѣчей.

«Гляжу я на тебя, князь, скучаешь ты на пирахъ, привыкъ, видно, къ ратному полю,—добродушно замѣтилъ хозяинъ обращаясь къ князю,—небось всѣ думы твои теперь подъ Смоленскомъ, какъ бы Сигизмунда прогнать... Да что жъ ты не пьешь ничего, али недужится тебѣ, вонъ ты и съ лица будто спалъ...

«Князь съ кумой выпьетъ,—бойко сказала входя въ горницу жена Дмитрія Шуйскаго.

Княгиня Шуйская была дочерью знаменитаго опричника Грознаго царя, Малюты Скуратова. Она приходилась кумой князю Михаилу, потому что вмѣстѣ съ нимъ крестила сына у князя Воротынскаго.

«Князь не захочетъ куму обидѣть, выпьетъ съ ней,—снова сказала она поднося ему чарку заморскаго вина.—За здоровье великаго Государя! Дай Богъ ему одолѣніе надъ врагами!»

Князь не могъ отказаться отъ такой здравицы. Онъ поднялся съ лавки, взялъ протянутую ему чарку и, стоя, медленно выпилъ ее до дна.

«Князь, что съ тобой?» испуганно вскричалъ хозяинъ.

А князь, внезапно поблѣднѣвъ, грузно опустился на скамью. Взоръ его помутился, и черезъ мгновеніе кровь хлынула у него изъ носа.

«Князю плохо! Лѣкаря! Колымыгу князя Михаила!» послышалось со всѣхъ сторонъ.

Слуги бросились исполнять приказаніе хозяина.

Въ тревогѣ всѣ поднялись изъ-за стола. Пиръ былъ разстроенъ.

Съ трудомъ довели молодого князя до колымаги, и почти уложивъ въ нее, повезли домой.

ГЛАВА XXII.

Смерть князя Михаила. Народъ обвиняетъ Шуйскихъ въ отравленіи князя. Что говоритъ объ этомъ событіи народная пѣснь.

Громадная толпа народа стоитъ возлѣ хоромъ князя Михаила. Но не слышно въ ней ни громкаго разговора, ни рѣзкаго слова. Тишина мертвая. Толпа словно сторожитъ чей-то покой. Вотъ уже который день съ ранняго утра до поздней ночи стоитъ она здѣсь. Никакими силами не отогнать ее отъ этихъ нарядныхъ хоромъ. Она ждетъ томительно ждетъ вѣстей. Порой открываются ворота хоромъ, выходитъ оттуда дворецкій, и по лицу его старается угадать толпа не полегчало ли князю.

Нѣтъ, князю нѣтъ облегченья. Онъ не приходитъ въ себя. Плохъ князь.

И сдержаннымъ шопотомъ передніе ряды передаютъ слѣдующимъ печальную вѣсть. Слышатся тяжелые вздохи, подавленныя рыданія. И снова наступаетъ мертвая тишина. Ворота хоромъ затворяются, и толпа ждетъ, снова ждетъ желанной вѣсти. Она не хочетъ вѣрить въ печальный исходъ.

А тамъ за плотно затворенными ставнями, въ полутемной горницѣ, на богатой постели, лежитъ безъ движенья молодой князь.

Въ переднемъ углу теплятся лампадки передъ иконами святыхъ, и слабый свѣтъ ихъ падаетъ на его лицо. Мертвенная блѣдность покрываетъ это лицо, такъ недавно еще полное жизни и красоты. Густые, русые волосы откинуты

назадъ. На высокомъ, мраморно бѣломъ челѣ и между тонкими бровями залегли глубокія складки, словно мучительныя думы продолжаютъ тревожить больную голову князя. Полуоткрытые глаза его не видятъ, не узнаютъ окружающихъ...

На скамьѣ покрытой дорогимъ ковромъ, сидитъ молодая красавица, жена князя. Горе и безсонныя ночи провели морщины по ея прекрасному лицу. Съ трудомъ удерживая рыданья, она глазъ не спускаетъ съ богатой постели, и только иногда переводитъ полный безнадежной тоски взоръ на иноземца лекаря, который возлѣ стола, уставленнаго лѣкарствами, готовитъ какое-то новое снадобье. Лѣкарь стоитъ, отвернувшись отъ молодой женщины, онъ избѣгаетъ ея взгляда. На ея нѣмой вопросъ у него нѣтъ утѣшительнаго отвѣта.

«Хоть бы взглянулъ разокъ, хоть бы призналъ», беззвучно шепчутъ блѣдныя губы княгини.

И словно въ отвѣтъ на ея страстную мольбу, глаза князя вдругъ широко раскрылись, разгладились складки на его лбу, и улыбка свѣтлая, ясная озарила его мертвенно-блѣдное лицо.

Княгиня бросилась къ постели. Привлеченный ея движеніемъ, устремился къ больному лѣкарь и взялъ его за руку.

Но князь не обернулся въ ихъ сторону. Нѣтъ, не къ нимъ относилась его улыбка, не на нихъ были обращены его открытые глаза. Эти глаза были устремлены куда-то вдаль, какъ будто тамъ увидѣлъ князь то свѣтлое, лучезарное, что вызвало радостную улыбку на его блѣдномъ лицѣ. Можетъ быть на порогѣ вѣчности ему открылась

тайна, разрѣшенія которой онъ такъ упорно искалъ въ послѣднее время,—какъ устроить Московское государство такъ, чтобы всѣмъ въ немъ жилось хорошо, можетъ быть въ послѣднія предсмертныя минуты тамъ вдали видѣлась ему восходящая надъ его измученной родиной заря новой, лучшей жизни? Кто знаетъ, отчего просвѣтлѣло вдругъ лицо умирающаго князя?

Черезъ мгновенье взоръ его потухъ. Еще одно судорожное движеніе, и глаза князя закрылись навѣки.

Умеръ! Князь умеръ! Толпа, стоящая у воротъ, ошеломлена. Она какъ будто не понимаетъ, или не хочетъ понять, что означаютъ эти слова. Она не двигается съ мѣста, словно замерла вся... Вотъ она пропустила одну колымагу, другую, третью .. Широко растворились ворота княжескихъ хоромъ. Князья Шуйскіе, Воротынскіе, Голицыны въѣзжали во дворъ, чтобы отдать послѣдній долгъ умершему.

Вотъ стройный, красивый всадникъ въ иноземной военной формѣ въѣхалъ въ ворота. Это Делягарди. Толпа растерянно глядитъ... Вотъ снова изъ воротъ выѣзжаетъ шведскій полководецъ. Лицо его взволновано, на глазахъ слезы. На ломаномъ русскомъ языкѣ онъ говоритъ, обращаясь къ толпѣ:

«Люди московскіе, ни въ своей землѣ, ни въ чужихъ краяхъ не зналъ я человѣка благороднѣе князя Михаила».

И тутъ только толпа повѣрила.

«Князь умеръ! Князя нѣтъ больше въ живыхъ».

Толпа вдругъ поняла все страшное значеніе этихъ немногихъ словъ, и громкіе вопли ея огласили воздухъ. Такъ

горько, неутѣшно рыдаютъ только тогда, когда теряютъ самаго близкаго, дорогого человѣка.

Въ эту минуту изъ воротъ выѣхала богатая колымага. Князь Дмитрій Шуйскій, простившись съ покойникомъ, направился домой.

Въ толпѣ произошло какое-то странное движеніе, и вдругъ она зашумѣла, заволновалась и, какъ одинъ человѣкъ, бросилась за колымагой Шуйскаго.

«Убійцы, отравители! Это они погубили князя», кричала толпа, догоняя колымагу.

Но кони быстро мчали ее впередъ.

Вотъ и домъ Шуйскаго. Вотъ самъ онъ блѣдный, дрожащій, скрывается въ воротахъ отъ обезумѣвшей толпы, а она уже возлѣ его хоромъ, она обступаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, требуетъ князя Дмитрія на расправу.

«Это она, жена его, змѣя подколодная, Малютина дочь, она поднесла ему чашу отравную на пиру у Воротынскаго... Давай ее сюда»...

Толпа лѣзла къ окнамъ, ломилась въ ворота и кто знаетъ, что бы осталось отъ хоромъ князя Шуйскаго, какая судьба постигла бы его самого и его жену, если бы къ нимъ не подоспѣла помощь. Царь Василій, услыхавъ о мятежѣ, прислалъ войска для охраны жизни и жилища своего брата.

Такъ ли оно было, дѣйствительно ли князь Михаилъ былъ отравленъ Шуйскими, исторія не даетъ на это точныхъ указаній.

«Не знаемъ, какъ сказать, Божій ли судъ его постигъ, или злыхъ людей умыселъ совершился. Одинъ Создавшій насъ знаетъ».

Вотъ все, что говоритъ о внезапной смерти князя Авраамій Палицынъ.

Но народная молва упорно обвиняла въ смерти князя его завистливаго дядю.

Увѣковѣчивъ память юнаго вождя въ своихъ пѣсняхъ, она такъ разсказываетъ въ нихъ объ этомъ событіи:

У насъ въ каменной Москвѣ
У князя было Воротынскаго,
Было пированье великое,
Кстили дитя княженецкое.
Кумомъ былъ князь Михаило Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кумою была дочь Скурлатова.
Много было тутъ князей-бояръ,
Князей бояръ, гостей званыихъ,
Они ѣли, пили, прохлажалися.
Напивалися гости до пьяна,
Выходили на красенъ крылецъ,
И учали они хвастатися:
Сильный хвастается силою,
Богатый богачествомъ;
Одинъ скажетъ: «у меня много чиста серебра»,
Другой скажетъ: «у меня больше красна золота».
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ
Онъ и не пилъ зелена вина,
Не пригубливалъ пива крѣпкаго,
Только пилъ одни меды сладкіе.
А и съ меду князь захмѣлѣлъ,
Во хмѣлю онъ похваляться сталъ:
«Да и штой-й-то больно, братцы, вы расхвастались!
Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?
А ужъ я ли могу похвалитися:
Я очистилъ царство Московское,

Я вывелъ вѣру поганскую,
Я сталъ за вѣру христіанскую,
И за то мнѣ князю слава до вѣку».
И то слово кумѣ не полюбилося,
То слово крестовой не показалося.
Втапоры она дѣло сдѣлала:
Наливала чару зелена вина,
Подсыпала въ чару зелья лютаго,
Подносила чару куму крестовому.
А князь отъ вина отказывался,
Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
Думалъ князь, она выпила,
А она въ рукавъ вылила.
Брала же она стаканъ меду сладкаго,
Подсыпала въ стаканъ зелья лютаго,
Подносила куму крестовому;
Отъ меду князь не отказывается,
Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго:
Какъ его тутъ рѣзвы ноженьки подломилися
Его бѣлыя рученьки опустилися.
Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
Подхватили подъ бѣлы руки,
Увозили князя къ себѣ домой.
Какъ встрѣчала его матушка:
— Дитя ты мое, чадо милое!
Сколько ты по пирамъ не ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ.—
«Ой ты гой еси, матушка моя родимая!
Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова».

ГЛАВА XXIII.

Торжественныя похороны князя Михаила. Причины народной любви къ князю. Заключеніе.

Унылый погребальный звонъ. Печально движется къ Успенскому собору похоронное шествіе. Вся Москва провожаетъ останки князя, вся Москва оплакиваетъ того, кто впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ ея единственной надеждой.

«И рыдаху по немъ вси людіе царствующаго града, мужескъ полъ и женскъ, отъ мала до велика»...

Такъ говоритъ лѣтописецъ о похоронахъ князя.

Горькія слезы проливаетъ о немъ и царь Василій, но никто не вѣритъ въ искренность его слезъ.

Вотъ стройные похоронные напѣвы огласили своды Архангельскаго собора. Сотнями огней зажглись золоченыя паникадила. Но обширный храмъ не можетъ вмѣстить всѣхъ, желающихъ поклониться праху усопшаго князя. Несмѣтныя толпы ихъ стоятъ за вратами собора, освѣщаемыя яркимъ апрѣльскимъ солнцемъ.

Кончилась обѣдня. Тысячами огней загорѣлись восковыя свѣчи въ рукахъ молящихся, и заунывныя молитвы послѣдней панихиды слились съ громкими воплями толпы. Клиръ запѣлъ «Вѣчную память». Какъ одинъ человѣкъ толпа упала на колѣни. Вѣчная память князю Михаилу въ сердцахъ народа!

Желая привлечь къ себѣ Московскихъ людей, царь Василій оказалъ небывалыя почести покойнику. Тѣло князя положили въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ хоронили только царей. Тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя уединенно стоитъ гробница того, кого народъ вѣнчалъ на царство въ сердцѣ своемъ...

Такъ погибъ загадочной смертью 23-хъ лѣтъ отъ роду

князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, свѣтлымъ лучемъ промелькнувшій въ русской жизни. Гдѣ искать причину необычайной любви къ нему московскаго народа? Юный князь не совершилъ ни одного изъ тѣхъ блестящихъ подвиговъ, которые поражаютъ воображеніе народа и надолго остаются въ его памяти. Онъ даже не успѣлъ очистить русскую землю отъ воровъ и измѣнниковъ, ибо еще при жизни его стали приходить тревожныя вѣсти изъ подъ Смоленска.

«Сей же побѣдимый воевода много подвигъ показа и попеченіе великое о россійскомъ государствѣ и много литвы поби, и на рати много храбрствовалъ: бяше бо красенъ лицемъ, нищелюбивъ бѣ и добродѣтеленъ; никто жь оскорби и никого презрихъ, всѣхъ утѣшая и всѣмъ полезная подавая». Вотъ и все, что находитъ возможнымъ сказать въ похвалу князя современный ему лѣтописецъ, но въ этихъ-то немногихъ словахъ и нужно искать тайну обаянія его личности. Не даромъ говорится: «чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды»; а спустившаяся надъ русской землей ночь смутнаго времени была безпросвѣтно темна. На мрачномъ фонѣ всеобщей лжи и лицемѣрія какой свѣтлой должна была показаться современникамъ личность князя Михаила! Вѣдь онъ одинъ оставался чистъ сердцемъ и чуждъ своекорыстныхъ помысловъ въ то время, какъ всѣ вокругъ него лгали, лицемѣрили и думали только о своихъ выгодахъ. Въ то время, какъ русскую землю продавали всѣ, и свои, и чужіе, онъ одинъ искренно, беззавѣтно любилъ свою родину и болѣлъ за нее душой. Въ тяжелые дни всеобщаго унынія и безнадежнаго отчаянья онъ одинъ вселялъ бодрость и вѣру въ лучшее будущее. Юный князь олицетворялъ собою тѣ лучшія чувства, которыя нерѣдко глохнутъ въ сердцахъ людей въ тяжелыя смутныя времена, но никогда не умираютъ навсегда. И потому какъ бы ни было

испорчено общество въ извѣстное время, но кто любитъ родину больше собственной жизни своей, тотъ всегда найдетъ доступъ къ сердцу народному!

Какая-то зловѣщая тишина наступила послѣ похоронъ князя. Столица словно оцѣпенѣла. Князь умеръ въ то время, когда всѣ повѣрили въ возможность избавленія русской земли отъ ужасовъ смутнаго времени. Смерть князя убила всѣ надежды...

«Это Божіе наказаніе за грѣхи,—говорили московскіе люди, объятые суевѣрнымъ ужасомъ,—Богъ разгнѣвался на русскую землю. Онъ не хочетъ ея спасенья. Одинъ былъ защитникъ у русской земли, онъ одинъ только и могъ спасти ее отъ погибели, и вотъ Богъ взялъ его въ разцвѣтѣ силъ!»

И полные тупого, безнадежнаго отчаянія московскіе люди ожидали, что будетъ дальше.

А дальше было то, что смутно рисовалось князю въ его думахъ... Не успокоилась русская земля. Пришло и для Василья Шуйскаго время поплатиться за самовольный захватъ царской власти.

«Онъ сѣлъ на престолъ безъ вѣдома земли русской, и ради этого льется кровь христіанская», кричалъ народъ, требуя сверженія нелюбимаго царя. «Ты не умѣлъ царствовать, отдай же вѣнецъ и скипетръ», ревѣла толпа, подступая къ дворцу.

Наконецъ Шуйскій былъ сверженъ съ престола и насильно постриженъ въ монахи, а русскій престолъ сдѣлался добычей, за которой погнались сразу нѣсколько охотниковъ. Сигизмундъ, король польскій, сынъ его королевичъ Владиславъ, снова собравшійся съ силами тушинскій воръ, сынъ шведскаго короля Филиппъ—всѣ они съ оружіемъ въ рукахъ оспаривали другъ у друга право сдѣлаться государемъ Московскимъ и всѣ во взаимной борьбѣ потоками крови заливали русскую землю.

И утомилась русская земля отъ этой великой смуты, и утомленная, жаждущая покоя, она въ 1612 году избрала въ цари шестнадцатилѣтняго юношу, Михаила Федоровича Романова, который и началъ собою новую династію. Что же было дальше? Успокоилась ли русская земля?

Исполнены добрыхъ чувствъ къ своему народу были первые Романовы, царь Михаилъ Федоровичъ и сынъ его царь Алексѣй Михайловичъ. Они видѣли, что Московское государство въ конецъ расшатано смутой, они понимали, что народъ страдаетъ и ищетъ лучшей доли. И вотъ съ цѣлью внести порядокъ въ дѣла управленія, умиротворить народъ и успокоить русскую землю, первые Романовы неоднократно созывали земскіе соборы, на которые съѣзжались «всѣхъ чиновъ люди», выборные отъ народа. И со всѣхъ концовъ русской земли понеслись къ царю челобитныя съ жалобами на лихоимство чиновниковъ, на неправедный судъ, на поборы чрезмѣрные, на житье тяжкое, подневольное. И слушалъ царь горькую правду... Только не легче становилось отъ этого народу—попрежнему страдалъ онъ отъ произвола чиновниковъ. И росло глухое недовольство въ народѣ и порой прорывалось оно неудержимымъ потокомъ. Бунтъ Стеньки Разина въ царствованіе Алексѣя Михайловича грозилъ странѣ новой смутой, новымъ разореніемъ.

Не достигнувъ своей цѣли, заглохли земскіе соборы...

ИЗДАНІЯ ВЯТСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.

Русскіе авторы:

ороленко. * На затменіи. 5 к.
„ Мгновеніе. 3 к.
„ * Парадоксъ. 5 к.
„ * Марусина заимка. 14 к.
„ * Тѣни. 7 к.
„ Морозъ. 5 к.
„ Соколинецъ. 8 к.
„ Ночью. 6 к.
„ * Старый звонарь. 3 к.
„ * Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. 3 к.
„ Сказаніе о Флорѣ. 4 к.
„ Дѣти подземелья. 10 к.
„ Судный день. 15 к.
„ Сонъ Макара. 9 к.
„ Атъ Даванъ. 3 к.
„ Рѣка играетъ. (печ.).
„ Пріемышъ. 3 к.

Гаршинъ. Денщикъ и офицеръ. 4 к.
„ Воспоминанія рядового Иванова. 10 к.
„ Сигналъ. 3 к.
„ Происшествіе. 6 к.

Елеонскій Папаша крестный. 7 к.
„ Подпасокъ. 2 к.

Елпатьевскій. Гекторъ. 5 к.

Маминъ-Сибирякъ. Озорникъ. 7 к.
„ Летные. 15 к.

Гусевъ-Оренбургскій. Кахетинка. 2 к.

Дмитріева. Баба Иванъ и ея крестникъ. 15 к.
„ Первая корреспонденція. 4 к.
„ Всѣ люди братья. 8 к.
„ Митюха-учитель (печ).
„ Майна-вира. (печ.).

Засодимскій. Хроника села Смурина. 35 к.

Рубакинъ. Книгоноша. 20 к.

Чириковъ. Танино счастье. 7 к.

Лермонтовъ. Пѣсня про купца Калашникова. 3 к.
„ Избранныя стихотворенія. 6 к.

Пушкинъ. Полтава. 7 к.

Аксаковъ. Аленькій цвѣточекъ. 5 к.

Гоголь. Майская ночь или утопленница. Съ 14 рис. Грандковскаго, Васнецова и Маковскаго. 6 к.
„ Пропавшая грамота. Заколдованное мѣсто. Съ 5 р. 5 к.
„ Ночь передъ Рождествомъ. Съ 16 рис. Маковскаго. 8 к.
„ Страшная месть. Съ 4 рис. А. Васнецова. 6 к.
„ Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка. Съ 4 р Райляна. 4 к.
„ Старосвѣтскіе помѣщики. Съ 4 рис. Райляна. 4 к.
„ Тарасъ Бульба. Съ 15 рис. Каразина. 15 к.
„ Вій. Съ 6 рис. Пимоненко. 6 к.
„ Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Съ 4 рис. Маковскаго. 6 к.
„ Ревизоръ. Съ 16 рис. Савицкаго. 12 к.
„ Шинель. Съ 12 рис. Нилуса. 5 к.
„ Вечера на хуторѣ близъ Диканьки съ 71 рис. 30 к.
„ Миргородъ. Съ 28 рис. 25 к.
„ Сорочинская ярмарка. Съ 16 рис. Маковскаго. 5 к.
„ Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Съ 7 рис. Пимоненко. 4 к.

*) Изд. М. А. Коломенкиной.

Складъ изданій: книжный складъ „ПРОВИНЦІЯ“.

Спб., Екатерининская ул., 4.

Типографія Н. Л. Ныркина, Измайловскій полкъ, 7 рота, д. № 13.